

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Замужем за Черным Властелином,
или Божественные каникулы

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

У нормальных людей за свадьбой идет медовый месяц. А у меня все не как у людей — каникулы! Чужие. Брата нашел поцелуй русалки, мужа — смертельно опасный поход на болота, а я вообще отличилась — прогулялась в подземное царство к богу смерти Иртихалу. Бедный бог... думаю, приготовленный мной ужин ему точно не понравился! А еще было решающее сражение, капкуэны, артефакты, поцелуи, драконы и прин... нет, не принцесса — королева. Она досталась моему брату. В общем, новые приключения неуловимых, или Илона снова в чужом мире!

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Замужем за Черным Властелином, или

Божественные каникулы

Женщина — это гибрид черта и ангела. Поправит нимб на рожках, отполирует копытца, отряхнет крылья и вперед... ввысь, к метле!

Юлия Славачевская

Пролог

Кап-кап, капала вода, срываясь с каменных сосуллек и падая вниз. Туманная мгла, слабо прорезаемая тусклым масляным фонарем, окутывала все вокруг.

Кап-кап... Уродливые темные фигуры, застывшие вокруг подземного озера, казались гротескными изваяниями бездарного скульптора. Кап-кап...

— Зачем ты пришел сюда, человек?

— За мезтью!

— Что ты хочешь?

— Справедливости!

— Как ты ее возьмешь?

— Кровью!

— Почему мы должны помогать?

— Я знаю СЛОВО!

Илона и Кондрад

Все началось со свадьбы...

Нет, история, конечно, началась гораздо раньше. Но события, волнующие меня, случились именно на моем бракосочетании с Черным Властелином. Хочу уточнить — на втором. Первое я благополучно проспала у него на руках в бессознательном состоянии после бала и ужина, м-дя.

Так вот, мы приехали в ЗАГС... Мы — это я, Илона Острожникова, теперь уже Дорсетская со всеми прилагающимися титулами, Кондрад, с еще большим количеством громких величаний, моя семья и приглашенные гости.

Так вот, была я там вся из себя замечательно красивая. В белом кружевном платье, похажим на сахарную вату (ага, а я там палочкой внутри!). Стояла, сверкая крупными бриллиантами парюры, которые, слава богу, никто за настоящие не признавал и грабить меня не рвался.

Напротив, мне на зависть, всем на удивление обретался великолепный мужчина, спятивший настолько, что собрался взять меня в жены. Это у него, видимо, перманентное помутнение рассудка приключилось. Но мне нравится... какой ни есть, а мой. Причем добровольно.

Зеленоглазый красавец-брюнет, высокий, как каланча, и здоровый, словно шкаф. Вьющиеся волосы собраны в низкий хвост. Правильные черты лица, будто украденные у Рафаэля или Микеланджело. Ласковая улыбка. Такую улыбку надо патентовать!

— Согласны ли вы, Кондрад Стефанович Дорсетский, взять в законные жены Илону Гавриловну Острожникову? — с трудом выговорила с некоторыми запинками на его имени элегантная женщина среднего возраста.

Всхлипнула мама.

— Да! — спокойно ответил муж, глядя на меня с любовью.

За его плечом маячил мой старший брат Денис. Этот блондинистый мачо притягивал взоры всех незамужних женщин от трех до шестидесяти. Рядом с Кондрадом он образовывал резкий контраст своими почти белыми волосами, зато ростом они совпадали отлично. Кто-то другой, стоя за женихом, просто исчез бы из виду, но братец тоже та еще каланча. В черном смокинге, озабоченный выпавшей на его долю ответственностью, сейчас он шарил во внутреннем кармане в поисках колец.

Мой муж считался для общества потерянным, поскольку женился на мне, и в рейтинге свободных мужчин не участвовал. Поэтому загорелый красавчик с ярко-синими глазами был в центре внимания и радиусе обстрела взглядами.

— Согласны ли вы, Илона Гавриловна Острожникова, взять в законные мужья Кондрада Стефановича Дорсетского? — повторила подвиг регистратор и сама собой возгордилась.

Мама еще раз всхлипнула. Папа обнял ее и умиленно шмыгнул носом.

— Мам, он ее есть не будет, он только немного попользуется! — громким шепотом утешил маму мой братец Тарас и схлопотал от папы подзатыльник.

— Да! — гаркнула я, потому что мне в спину ткнулся острый Светкин палец, точнее — длинный нарощенный ноготь. Свидетельница, скорей всего, решила, что я недостаточно активно стремлюсь замуж, и подтолкнула ситуацию.

А у меня в башке грохотали африканские барабаны, под которые лихо отплясывали канкан слоны с бегемотами. Последние старались особенно рьяно.

Дальше провал. Очевидно, от нахлынувшего счастья. Очнулась чуть позднее под тревожным взглядом Кондрада.

В этот момент регистратор радостно кивнула и одарила мужа голодным оскалом, подписывая ему приговор:

— А теперь счастливые молодожены меняются кольцами!

Надев на палец мужу обручальное кольцо, я протянула ему свою руку.

И потеряла сознание...

Вас когда-нибудь давила тишина? Та тишина, которая образуется, когда нечего сказать или все от удивления языки проглотили. Сейчас как раз второй случай.

Хочется схватить микрофон или рупор и заверещать, ломая безмолвие:

— Халяве — НЕТ! Нет-нет! — призывая чью-то уснувшую летаргическим сном совесть.

И все бы хорошо, но если у некоторых сволочей вырабатывается привычка висеть на чьей-то шее, то это уже не лечится! Вот так я из-за неутомонной принцессы Иалоны снова попала в чужой мир и прямо со свадьбы. Блин!

Орать я, конечно, не стала, а просто обвела взглядом всех участников мелодрамы или трагикомедии. А может, и вовсе... детектива! Так вот, стоим мы, все из себя свадебные, очень нарядные и красивые; мужчины в дорогих черных костюмах, дамы в шикарных платьях; и тут

мы с Кондрадом начинаем подозревать, что долгожданная весна пришла отнюдь не на нашу улицу.

— Ну привет вам, королевство Лайе и надоевший до оскомины дворец! Лучше бы раз и навсегда сказать «прощай»... — Я обвела взглядом интерьер. Колонны понуро теснились, по-прежнему вызывая острое желание побиться о них головой. Огромный тронный зал был гулким и пыльным. За окном размеренно каркали не то вороны, не то еще какие аналогичные черные заразы. Кроме нас и хозяйки дурдо... заведения — ни одного человека. Тишь да гладь.

Даже странно как-то. Наша Иалона впала в детство и теперь ныкается от придворных, играя в прятки? Вроде безумного блеска в голубых очах не наблюдается. Хотя кто их, психиатры, разберет?.. У них, говорят, обострение четыре раза в год бывает. Может, и сейчас...

Кондрад, мой то ли муж, то ли еще жених, нашел себе весьма уважаемое в широких мужских кругах занятие — бесился, пуская пар ноздрями и задирая кверху породистую голову. Для простоты я решила считать, что уже замужем, и пришла к выводу — даже на свадьбе мой муж был верен себе.

— Так! В чем проблема? — нетерпеливо повторила я, в упор разглядывая златокудрую лахуд... принцессу и одновременно размышляя, может ли это перемещение считаться медовым месяцем или стоит потребовать неустойку?

Белое платье с ажурными вставками сиротливо обвисло, соответствуя моему настроению, и начало потихоньку холодить. Я обняла себя руками и подавила желание застучать зубами.

— Э? — У Иалоны наше цыганское нашествие вызвало нервный тик и судорожные кручения головой направо и налево — так она рассматривала нашу разодетую компанию.

На голове моей сестренки сложно плетенное гнездо из мелких, перевитых жемчугом косичек плавно перетекало в букли на висках. Сзади парикмахер для пущего эффекта выпустил несколько локонов, у нас такие метко именуют «локоном страсти».

Тонкий стан королевы был затянут в корсет роскошного бархатного платья цвета морской волны, обшитого километрами серых кружев. Строгий стоячий воротник спереди переходил в квадратное декольте. (Интересно, она себе шею крахмаленным воротничком в кровь не натрет?) Руки в тонких шелковых перчатках нервно теребили юбку.

— Вы женаты? — Следующая реплика вызвала у меня пламенное желание ее прибить, закопать и на ямке написать: «У меня была сестра, и скопытилась она!»

Очень умный вопрос! И главное, своевременный! Кондрад заразился от принцессы нервным тиком и заскрипел зубами:

— Два раза!

— А так бывает? — захлопала на нас длинными ресницами названная родственница, морща лобик и выискивая в недрах мозга умные мысли. Ой, блондинко!

Нет, я не претендую на звание самой умной, но так далеко все же не захоживаю! И другим забираться не советую! Во избежание...

— Бывает! — горделиво заверила я ее. — У нас бывает все!

— Кошмар! — выродила из себя Светка и грохнулась в обморок, минуя подставленные руки Дениса, потому что глазами он пожирал Иалону.

— Денечка, — хихикнула я, — ты, когда одну девушку ловишь, от другой глазки лучше все-таки отлепляй!

— А? — У нас сегодня праздник косноязычия. Кому достанется главный приз?

— Илоночка, ты такая красивая в свадебном платье! — вдруг заявила принцесса, внося следующую нотку диссонанса в наш сумасшедший дом. В данной ситуации комплимент прозвучал нелепо и двусмысленно. Но приятно все равно.

— Спасибо! — зарделась я и с удовольствием посмотрела на мужа, а муж с неудовольствием посмотрел на Иалону.

Та сообразила что-то и выдала:

— Поздравляю!

— Спасибо! — порадовалась я за ее сообразительность.

Братик в этот момент был занят, приводя в чувство нашу мегаворожку, получившую нежданно-негаданно экзотический тур в другой мир и удар головой об асфальт... простите, об пол.

— И вас поздравляю, Кондрад Дорсетский! — Тут Иалона вспомнила о своих обязанностях и напыжилась от важности. Муж от нее не отставал, тоже приосанился и надулся, как индюк:

— Благодарю вас, ваше величество Иалона, королева Лайе!

А! Точно, ее теперь, наверное, уже на царство помазали. Или нет? Не знаю, можно ли у них незамужним девушкам становиться королевами. Точно! Кондрад же сбежал ко мне, а больше запрещать вроде некому! Я пригляделась: диадемка принцессы сменилась более массивной конструкцией. Похоже, благоверный угадал.

— Если вы уже обменялись любезностями, — немедленно влезла я в их милую царскую беседу (точнее, мини-сражение скорпионов), — то, может, нас просветят, по какому поводу мы тут собрались и зачем было нервировать моих родителей?

Муж сложил руки на груди и открыл рот, собираясь поддержать меня массирующим огнем.

Юная королева сделала выводы и смиренно потупила глаза, будто стыдясь. А я так и поверила!

— Если это такое своеобразное похищение невесты, — продолжила я прочувствованный спич, — то зачем прихватили столько народу? Для компании?

— Мне помощь нужна, — еле слышно прошептала Иалона, умоляюще прижимая руки к необъятной груди.

— Опять замуж неволят? — весело фыркнула я. — Может, тебе просто заказать пояс целомудрия и выкинуть ключ — выйдет проще и дешевле. И меня с мужем по пустякам дергать перестанешь?

— Я из дворца выйти не могу! — подняла на меня сестренка умоляющие голубые очи, пустив горючую слезу.

Ого! Как ее проняло!

— Тебе шлейф поддержать некому? — поразились я. — Обеднела?

— Да нет! — позабыв о царской важности и значимости, как простая селянка, всплеснула руками венценосная особа, шмыгая хорошеньким носиком. Королева произнесла трагическим шепотом: — Нас осадили! Никто не может покинуть дворец!

Мы с мужем взревели в один голос:

— Опять?!

У меня со словом «осада» и этим местом наметились совсем другие ассоциации. Но тоже малоприятные. Положительным пятном в том эпизоде оставался лишь голый мужчина в

наручниках и наш первый поцелуй. Я поневоле немножко засмушалась. У Кондрада тоже в голове что-то щелкнуло. Он бросил на меня многозначительный взгляд и совершенно неуместно улыбнулся, игриво подмигивая.

Денис нашарил большущий клетчатый платок в нагрудном кармане пиджака и теперь разрывался: то ли помахать им над Светкой, то ли протянуть второй даме для утирания соплей.

Иалона долго гипнотизировала синеглазого блондина. Не помогло. Королева не дождалась верного рыцаря с простыней и, деликатно вытянув кружевную тряпочку из декольте, аккуратно утерла припухший носик.

— Осмелюсь вас спросить, дорогая королева, — теперь уже мой муж вспомнил, что он обладатель нескольких престолов и, следовательно, должен быть всегда и во всем первым, — в чем заключается проблема?

Я опять залюбовалась гордым профилем и сама себе позавидовала.

— Моя проблема заключается в этом! — поджала пухлые губки Иалона, изящным жестом гневно указав в окно. Чуть ножкой не топнула, венценосная наша. Аж кринолин заколыхался.

Вовне царил приятный полумрак. Я даже вначале подумала, что в Лайе наступил вечер. Решив удовлетворить законное любопытство, мы подошли к окну, забранному с внешней стороны мощной решеткой витиеватой ковки.

Да-а-а... Неба увидеть не удалось. В смысле, чисто теоретически — небо было голубое, обычное, и ярко светило солнышко, но там слонялось столько неопознанных летающих объектов... в пору вызывать Малдера и Скалли.

Пока наша дружная компания старательно откапывала в багаже сведений название странных существ с черными крыльями, хвостом и громадными когтями, одна из таких «птичек» подлетела к окну и вцепилась полуметровыми нечищеными зубками в решетку. Решетка ходила ходуном, словно была сделана из тонкой медной проволоки. На мой взгляд, она просто чудом не вырвалась, хотя страшно прогнулась. Зрелище было жуткое. Меня проняло до самых глубин.

— Почто животинку не кормите? — невольно передернувшись, громко возмутилась я. — Вон как пернатое оголодало! На всех кидается! Это негуманно. — Обернулась к Иалоне и вполголоса заметила: — Или прибежите, чтоб гадина не мучилась, или покормите как следует, чтоб отстала!

— Мести! — прохрипела помесь бульдога с носорогом, продолжая с легкостью трощить железяку, будто овчарка мосол.

— Подождите, пожалуйста! — вежливо ответила я, не рискуя понапрасну злить мутировавшую птичку, которая впридачу ко всему оказалась еще и говорящей. А тварь упорно не затыкала свой фонтан красноречия и продолжала изрыгать лозунги:

— Крови! Справедливости!

— Эй, и что вы будете со всем этим делать? — скромно полюбопытствовала я. — У вас завелся ручной вампир? Или вы решили открыть медицинский пункт скорой помощи?

Кажется, слова «вампир» местные не поняли. Как и насчет медицинской помощи.

В тот самый момент, когда я собиралась задать крылатому чуду-юду следующий вопрос, вовремя очнувшийся супруг внезапно оторвал меня от переговорного процесса и со словом: «Горгульи!» — сунул себе за спину, полностью скрыв обзор.

Если это из разряда «кина не будет», то зря надеялся! У нас равные права! Хотя...

здесь... и с горгульями... Может, в отношении феминизма я слегка погорячилась? Стоит дать кесарю кесарево, то есть воину сечу? А самой за спиной мужа отсидеться в холодке?

Но я же его люблю? ЛЮБЛЮ!

Значит, права равные!

— И что? — назрел у меня насущный вопрос. — Ты думаешь, за твоей спиной эта миленькая страхолюдная зверюшка меня не найдет?

— Нет! — рявкнул муж и хлопнул по себе в поисках меча.

Ага. Надо полагать, эта железяка завалилась ненароком у него в кармане праздничного смокинга. Так, на всякий случай, вдруг в зубах понадобится поковыряться...

— Зря надеешься, любимый. — Я на глазок прикинула ширину его спины, потом спустилась ниже, к ногам, и выяснила одну очень интересную вещь. Этим открытием я ликующе поделилась: — Платье видно. Его нужно обязательно снять в целях конспирации.

— Ого! — обрадовалась зверюшка и попыталась засунуть морду между прутьями решетки. — Покажь!

— Что?! — неслабо возмутился Кондрад. — Еще чего! Только через мой труп!

— Щас сделаем! — потер в предвкушении лапки гибрид орла и крокодила. — Подходи!

— Я те сделаю! — проявила я характер, высываясь из-за спины супруга и грозя зубастой харе кулачком. — У меня медовый месяц, между прочим...

Горгулья пригорюнилась и в отместку снова потрясла решетку с истошным воплем:

— Крови! Мести! Справедливости!

Ага! Крики с маевки! Лозунги Французской революции скоммуниздили. Там было похоже: «Свобода. Равенство. Братство». Последнее, правда, Наполеон вскоре переделал. Очень уж текст мозолил ему глаза, пока он, будучи полководцем, преспокойно косил этих самых «братьев» направо и налево. Кстати, красавец метр-с-кепкой потом навечно затесался в медицинские анналы под заголовком «Комплекс Наполеона». Это чудное явление мой Денька еще «комплексом Бога» именовал, то бишь бедолагу Наполеона существенно повысили.

— А-а-а! — раздался крик Светки. Та на минуту пришла в себя и снова изобразила шум упавшего тела.

— Денис! — обернулась я на грохот. — Теряешь квалификацию! Совсем разучился девушек ловить!

Кстати, я отвлеклась, а напрасно! Муженька я все-таки недооценила. Он наковырял у себя на теле пару пистолетов, дагу и какую-то странную гибкую шпагу, причем трансформировал ее он из металлического пояса. Ну не считая высоких браслетов с рядами сюрикенов и пары-тройки метательных ножей. Подозреваю, его арсенал далеко не исчерпан и что-то до сих пор скрыто в загашниках от посторонних.

А если немного подождать, то муж по карманам и пулемет с гранатометом откопает? Или гаубицу в ширинке същет? Обалдеть!

Он на свадьбу шел или на прорыв во вражеский стан собирался?

— Да я и не привыкал, они на меня никогда и не падали! — выпалил старший брат, переводя взгляд с окна на тело и предпринимая новую героическую попытку привести в сознание Светку, которая сознание, видимо, вообще сочла излишней частью организма и усиленно отторгала. Я мысленно пожелала Дене успеха в нелегком труде спасателя.

Тут активизировалась королева. Сбегав к ближайшему туалетному столику, притащила хрустальный графин с водой и, недолго думая, собственноручно, с истинно царственной

невозмутимостью к деланию гадостей щедро окатила девушку. Я Иалону чуть не зауважала!

Ошпаренной кошкой Света подпрыгнула с пола и, смахивая воду с лица, затараторила:

— Что? Где? Когда?

— Светочка, — вмешался в познавательный процесс Денис, — не нервничай и помолчи чуток, пожалуйста!

— А? Где я? Зачем я?.. — У моей сокурсницы горохом сыпались вопросы, накопившиеся за неполные двадцать лет, но ни разу не ходившие наружу. Видимо, им и внутри неплохо сиделось.

«Милая, лучше бы ты задала этот вопрос родителям! Веришь ли, я бы тоже его с удовольствием задала! Типа того: «Как вам, уважаемые, результат эксперимента? Получили то, что планировали?»»

— Ма-а-алчать! — Иалона шлепнула девушку по щеке веером. Слегонца, но чувствительно. Я бы на месте той уже давно вернула королевскую милость обратно и в двойном размере, а Светка заткнулась и смотрела на происходящее округлившимися глазами. В обморок, замечу, валиться больше не торопилась. И правильно: на паркете вокруг нее разлилась приличных размеров лужа.

— Мести-и-и-и! — жутко завывала за окном горгулья, заинтересованно рассматривая театр абсурда. — Еще-е-е!

— Чего тебе «еще»? — Любопытство перевесило осторожность, и я снова высунулась из-за дзота с красивым именем Кондрад. — Насколько помню, мы и первый раз на бедность не подавали!

— Еще облей! — облизнулась зверюшка с каким-то неправильным уклоном. Растопырила крылья и когти на них. — Липнет! Видно! Еще!

И действительно. Светкино сиреневое газовое платье на бретельках намокло, подкладка — тоже, и теперь ее можно смело отправлять во Флориду на конкурс мокрых футболок. Свидетельская лента через плечо лишь подчеркнула высокую грудь. Видно почти все, и совершенно бесплатно!

— Извращенец! — Подруга жестоко оскорбилась за свою намокшую честь и подмоченную репутацию, подскочила к окну и стукнула горгулью по носу. — Нахал! Ой! — поняла, что наделала. Посмотрела под ноги, увидела сухой пол... и свалилась в обморок. Первое разумное действие за все время, хвалю и одобряю.

Денис подошел поближе и встал рядом с Кондрадом.

— Илона, я не могу ее поймать, у меня заняты руки! — заявил мне муж, не двигаясь с места.

— Ну и не лови! Или еще что предлагаешь? — Я мучительно соображала, стоит ли приводить Свету в чувство, пока мы тут не разберемся... или пусть так полежит, отдохнет?

— Оставь ее! — Кондрад как будто прочел мои мысли.

— Заверните! — облизнулось сексуально озабоченное создание за окном. Вспомнив основную театральную программу, пригрозило: — Крови!

— Тебя заело? — Мне уже надоело слушать одно и то же.

— Не-а! — откровенно ответила зверюшка, повернулась боком и приглашающе махнула лапой. — Друзи, тут мокрых баб показывают!

Как вы думаете, сколько минут понадобилось горгулям, чтобы облепить зальные окна? А вот и не угадали! Ни одной! Счет шел на секунды!

От решеток стоило ожидать немедленного обрушения. Горгульи тоже так подумали и

рассредоточились на подоконниках. Угу. Стадо тяжеловесов на подоконниках... Так! Еще немного — и стены рухнут!

Углядев такое нападение... падение нравов, мужчины вспомнили свои прямые обязанности. Охранные, а не то, что многие подумали. А я бы, между прочим, от этого самого и не отказалась!

В общем, наши защитники и радетели о безопасности слабых и немощных внезапно вспомнили о своем назначении и живенько выставили нас (в смысле, дам) из зала.

Причем Денису перепала целая королева. Бедный брат! Иалона включила турборежим «бимбо». Блондинка с длинными светлыми волосами, пухлые алые губки, взгляд утонченной дуры... И такие огромные мм... буфера, что не знай я наверняка, сто процентов подумала бы — силиконовые.

На магнитом притягивающее мужское внимание глубокое декольте Денис старался откровенно не пялиться, но, честно говоря, у него это получалось плохо. Взгляд так и возвращался к «богатству» королевской семьи Лайе. Тем более Иалона мужественно выпячивала грудь и всячески норовила повиснуть на сраженном ее красотой кавалере, чтобы поплакаться за жизнь, совершенно забывая о своих мужчинах-придворных.

А те уже свирепо скалились, подкручивая усы, и явно собирались серьезно осложнить нам дальнейшее существование. Денису, во всяком случае.

Хорошо, Кондрад уловил кровожадные умонастроения многочисленных конкурентов за место под солнцем — то бишь жаждущих царского тела, милостей и престола — и одним взглядом поставил их всех на место, да так, что те стали тише воды ниже травы.

Набежавшие откуда ни возмись придворные дамы кудахтали вокруг королевы рябыми квочками, но хоть под ноги не лезли, и за то спасибо. Иалона же времени не теряла и смело шла на штурм Зимнего!

Но сначала, как водится, комплименты...

— Дэннис, вы так мужественны!

Ого! Братца уже повело! Окосел, будто после стакана водки.

— Дэннис, умоляю, будьте моим защитником... — И глазками, как семафорами, — блым-блым!

— Да-да! — пыхтел наш старшенький, неуверенно держа в охапке обретенное счастье.

— Вы не против, если я буду вас так звать? — И ресницами хлоп-хлоп. Глазки круглые, рожица наивная, общее выражение я бы охарактеризовала словами «крайне романтическое». И мой брат, прожженный психолог, которого на мякине не проведешь, в конце концов — просто умный мужик, купился. Мужик он и есть мужик. Но чтобы Денька, да так запросто?

Я притормозила и всмотрелась в выражение его лица. Эй, он часом влюбиться не собирается? Вот чего нам еще не хватало, так это чтобы Денька влюбился в это... в эту... блондинку! Да я за брата кого хошь без соли съем, если понадобится, я... пурген в этом мире заново изобрету! По туалетам бегать замается! Будет, как Екатерина Вторая, королевские приемы на стульчаке проводить!

Ну да, королевский двор — высшая школа кокетства, а бывшая принцесса окончила ее с золотой медалью. Это они с Кондрадом почему-то фазами луны не сошлись... на мое счастье.

— Как? — Это Денька все же осмыслил вопрос несмазанными шестеренками подгулявшего разума и постарался поддержать беседу и королеву одновременно.

Зря! Как говорится: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь!»

— Дэннис! — закокетничала Иалона и обрушилась ему на руки всем весом. Жаль, что в этом мире женская вольная борьба не приветствуется. Иалона могла бы войти в призеры!

Брат зашатался, словно деревце в бурю. Нет, слабаков в нашей семье отродясь не водилось, но двуручники и королев моим братьям таскать в походах до сей поры тоже не приходилось. Поэтому старшенький чуть не уронил наземь привалившее счастье.

А жаль. Была бы мстя за ее подлую выходку. «Ах, Форсет, ах, помоги!..» Где бы мне такую палочку-выручалочку себе в карман добыть, а? Не-ет, я этому лысому божку-поганцу такой хор имени Острожниковой устрою, что он нам с Кондрадом откупные даст... чтоб никогда нас тут больше не видеть. Слово Илоны! А уж пакостей огребет... историй на целое поколение хватит, уж я постараюсь!

Хитро, блин, оба примазались... с больной головы на здоровую опять переваливать.

— Как вам угодно! — безоговорочно согласился вконец обалдевший Денис, в одночасье ставший Дэннисом, после чего благоговейно вынес вожделенный приз за дверь.

Все это я имела возможность и видеть и слышать, потому что мне такого счастья, как поездка на руках галантного кавалера, не перепало. Одна рука моего мужа была занята дагой, другая гибкой шпагой, а на плече подбитой курицей висела Светка.

— Тебе это украшение к лицу! — кивнула я на сокурсницу, подбирая юбки и унося свою горячо любимую задницу вдаль, за горизонт, а проще сказать — в безопасном направлении.

— Предлагаешь так и носить? — пропыхтел любимый, в компании двух стражников закладывая створки зала громадным засовом. Которого, кстати, раньше не было. Уж я-то точно помню!

— Если тебе это украшение в кровати мешать не будет, — пожалала я плечами, подумывая устроить сцену ревности. А что? Могу я для разнообразия побыть Отелло? В конце концов, нигде не написано, что нельзя поменяться ролями и удушить мужчину, скажем, за потерянный грязный носок... или за губную помаду... или... нет, все-таки удушить, а причину одного действия всегда можно найти, было бы желание.

— Я не против, — утопающим воробьем простонала Светка и полезла ощупывать средство передвижения. Сзади! Ну коза!

Душа моя невинными глазами посмотрела в незамутненные очи совести, помахала ручкой благим начинаниям, плюнула в сторону рассудка и пошла на разборки.

— Слезай по-хорошему, зараза! — очень вежливо попросила я, вцепляясь в ляпочки Светкиного платья и стаскивая ее на пол, поближе к своим орудиям производства синяков — ногам. Лямочки затрещали, но на первый раз выдержали. Блин, из силикона их делали, что ли?

— Бить будешь? — догадалась свидетельница и бдительно попыталась снова улизнуть в страну грез и непуганых мужиков. Иначе зачем туда стремится большинство женщин?

Если кто-то положил глаз на вашего любимого мужчину, значит, что? Думаете, вывод — он женщинам сильно нравится? Не-ет! Это значит — ГЛАЗ У КОГО-ТО ЛИШНИЙ!

Видимо справедливо опасаясь за собственную жизнь, свидетельница поостереглась брякаться головой без сознания и стекла вниз менее травматично.

— Света! — строго сказала я сидящей на полу мокрой девушке. — Запомни! Это МОЙ муж! Его руками трогать НЕЛЬЗЯ! Или я расщедрюсь и приглашу к тебе на свидание пару-тройку «птичек» за окном. А если ты позволишь себе нечто большее... — Тут я так проникновенно на нее посмотрела, что Светка яростно замотала головой, всем своим видом отчаянно демонстрируя полное согласие с моими словами. — ...Я еще больше расщедрюсь и

позову ВСЕХ!

— Гулять так гулять?! — заржал Кондрад, прислонившись к стене в любимой позе. И разумеется, за исключением рубашки, весь в черном! Узнаю своего Черного Властелина!

— Молчи, подлый изменщик, залапанный чужими немывтыми руками! — Светка тут же посмотрела на свои ладошки и спрятала их за спину. — Я и тебе найду применение! — фыркнула, обиженная до глубины души. Почему он не прекратил это безобразие? Может, ему понравилось?

— И какая же кара ожидает несчастного влюбленного, о моя королева? — весело поинтересовался муж, пряча усмешку.

Я не могла отвести глаз — этот гад по-прежнему элегантен, как рояль. И никакая чума, стихийные бедствия или горгульи этого не изменят.

— Там за окном — мужики! — пояснила я. — Но они как-то размножаются. Представляешь, какие у них женщины?

— За что такая немилость? — еле выдавил из себя любимый, пряча смех, который просто рвался из него наружу.

— Она тебя щупала, а ты не протестовал! — гневно высказала я претензии, сложив руки на груди.

— Когда?! — совершенно искренне удивился мужчина.

— Когда ты ее нес! — У меня закрались смутные сомнения.

— А почему я не почувствовал? — Теперь уже он обиделся.

Я зажала ладонью рот, разрываясь между злостью и смехом. Смех побеждал с большим отрывом.

— Что не чувствовал? — У меня в мозгах наступило короткое замыкание, и обслуживающие системы вырубались.

— Когда меня щупали, — пояснил муж, глядя на меня невинными глазами.

— А Светка что делала? — Я подавила стойкое желание сделать себе лоботомию и посмотреть, что осталось внутри черепной коробки. В конце концов, существуют разные наполнители...

— Я думал, она цепляется, чтобы не упасть, — пожимая плечами, на полном серьезе поведал мне любимый и посмотрел на сидящую на полу взъерошенную Свету в поисках подтверждения.

Однокурсница рьяно закивала в знак согласия и, клацая зубами не то от возбуждения, не то от холода, задним числом изъявила желание узнать:

— А ч-что происходит? Г-где м-мы? И ч-что это было з-за окном?

Я ворчливо поинтересовалась:

— Проморолик «Assassin's Creed» второй видела?

— Видела!

Муж насторожился.

— Общий настрой запомнила?

— Запомнила!

— Ну так это то же самое, только намного круче 3D! Геймплэй средний, зато полное погружение с бешеной реалистичностью! Мы в другом ми... — Лишь только я открыла рот в целях дальнейшего просвещения страждущих, как к нам подошли Денис с Иалоной.

И тут моя бесплатная головная боль (кому б тебя сплавить, блондинко? Жалко тут Степанов Разиных не водится! Может, хорошо попросить старого волшебника и вывести

генетически?) белозубо улыбнулась, зазывно глядя на брата, и сказала:

— Добро пожаловать в Лайе!

Не сговариваясь, мы с Кондрадом выпалили единодушно:

— Какого черта здесь творится?

Иалона поморщилась и, сохраняя дежурно-гостеприимное выражение лица, ответила:

— Может быть, мы обсудим сложившуюся ситуацию за обедом?

— Хорошо! — кивнул супруг, убирая оружие и подцепляя меня под руку. Блеснул яркими зелеными глазами и лукаво улыбнулся: — Надеюсь, обед будет без добавок?

Нам с Иалоной хватило совести покраснеть. Предыдущая совместная трапеза закончилась конфузом одного крайне настойчивого мужчины-завоевателя после того, как мы (я!) приправили его еду хорошей дозой быстродействующего слабительного.

— Ну что ты! — радостно заверила его. — Тогда я тебя еще не любила. Теперь не смогу, рука не поднимется. Если ты снова будешь кого-то помогать, я тебя просто отпущу!

— Так просто? — Кондрад заподозрил неладное и, наклонившись, цепко посмотрел мне в лицо. Ух! Еле удержалась, так хотелось его поцеловать. Но ввиду присутствия посторонних пришлось держать фасон.

— Куда уж проще! — объяснила я, лучась доброжелательством и любовью к окружающим. — Сбросить с мезонина или как там называется у вас чердак под крышей — и забыть на фиг!

— Добрая ты у меня! — порадовался Черный Властелин грядущей отпускательной перспективе. Причем искренне так порадовался. Прямо расцвел широкой довольной улыбкой. Он у меня что — мазохист?..

— А то! — Из меня сегодня просто перло неумное желание сделать всем присутствующим что-то доброе и хорошее: с крыши скинуть или там в фонтане притопить. Аж руки свербели. Скажу честно, больше всего они чесались сделать доброе дело, и не одно, по отношению к злостной блондинке с необъятным бюстом, привыкшей к бесконечной халяве.

— Ваше величество Кондрад! Друг! — Из-за поворота откуда ни возьмись, словно черт из табакерки, нарисовался Деррик в бархатном камзоле и кинулся обниматься. — Илона!

А шатен ничего так... в наше отсутствие заматерел, и даже командный голос прорезался. Выглядит сытым и ухоженным. Видно, повара моей названной сестренки его тут голодом не морят.

— Если скажешь моей жене «подруга» — серьезно пострадаешь! — не то шутивно, не то всерьез прошипел один черноволосый средневековый собственник, отвечая на дружеское объятие и потихоньку оттесняя меня от Деррика.

— Отстань, у нас в стране равноправие! — вылезла я с любимым лозунгом и стала обниматься. Как я по нему соскучилась! Вспомнилось прошлое. Меня по тем временам даже ностальгия замучила. Ненадолго. Минут на пять.

— Ты откуда здесь? — полюбопытствовал муж, бдительно приглядывая за женушкой и потихоньку оттаскивая меня в сторонку.

— Приехал по делам, а тут все началось... — сообщил нам Деррик, по привычке на каждом слове размахивая рукой. — Застрял. Из дворца выйти практически невозможно. Горгулы загоняют обратно.

— Горгулы?.. И как же вы питаетесь? — встряла я. Сияющее ярким светом будущее внезапно помутнело и даже местами покрылось черными пятнами плесени.

— Большой запас в подвалах, — мрачно ответил Деррик. — Но и он не бесконечен. Еще пару недель такой обороны — и начнется голод. Хорошо хоть тут есть скрытые колодцы, иначе мы бы и недели не протянули.

Муж та-а-ак оживился! (Все ясно, попал в знакомую струю... Будем надеяться — воинского азарта, а не чего либо-другого, что в воде не тонет и в огне не горит.)

— Понятно, — задумчиво протянул Кондрад, очевидно строя военные планы больших сражений. — А подземные ходы?

— Ты забыл, что с ними в последний раз сделал? — тонко намекнул Деррик.

— А что ты с ними сделал? — Мне стало ужасно интересно.

Муж проглотил рвущуюся на физиономию улыбку и скромно промолчал. Но Деррик сдал его с потрохами:

— Приказал обрушить! Все до единого! Да так хорошо это сделал... если собрать крестьян всех окрестных селений завалы те разбирать... через полгода или год — глядишь, управятся...

Кондрад поспешил изменить тему беседы:

— Поговорим за обедом. А сейчас позволь тебе представить Дениса, старшего брата моей супруги...

Мужчины обменялись рукопожатием.

— ...И Светлану, ее подругу!

Деррик галантно поцеловал Светке ручку. Та сделала книксен, зарделась, стрельнула оленьими глазками... Потом вспомнила, в каком она виде, и бросила на нас с Иалоной убийственный взгляд. Мы деликатно сделали вид, что не заметили.

В общем, под шумок, вроде как в честь встречи и хорошего расположения, Кондрад ловко сплавил другу мою приятельницу Светку. Ну не Деньку же Деррику навязывать! Думаю, они бы подобный шаг не оценили. Да и принце... королева Иалона к брату старой жвачкой прилипла, не отодрать... а тот и доволен.

Хм, все же чем больше у женщины грудь, тем меньше обращают внимание на характер! Надо подумать... Выход напрашивается один: или характер исправить, или бюст увеличить... Но, по-моему, все же быстрее и качественнее второй вариант.

Неа... резать свою грудь не дам! обойдутся. Терпеть ненавижу эти силиконовые прибабасы. Начинается с чего-то одного, а там, глядишь, и сама не заметишь, как и мозги силиконом начиняют. И как тогда быть? Мне же еще четыре года в универе мучиться. Фигли, эта силиконовая радость не по мне.

До столовой мы дошли без приключений. И даже за стол уселись абсолютно спокойно. Правда, Деррик успел меня шепотом спросить:

— Где вы взяли эту заторможенную девушку?

— Она не заторможенная, — обиженно буркнула я в ответ, в полном расстройстве от сложившейся дурацкой ситуации. — Она мокрая!

— Вижу! — не желал успокаиваться Деррик. — Где плавала?

— В графине! — прошипела я. — Зачем глупые вопросы задаешь, умник?

— С вином? — усмехнулся друг, но отстал.

— Если бы с вином, — пробурчала я, вспоминая Светкины подвиги на девичнике, — она бы не тормозила, а газовала!

Муж, услышав последнее замечание, понимающе хмыкнул.

Хозяйка дома сидела в широком королевском кресле в торце стола буквой «П». Рядом с

ней, согласно этикету, посадили меня и Кондрада. Муж в черном, я — в белом. Ага, день и ночь, блин.

По длинным сторонам стола сидели многочисленные гости — придворные дамы и кавалеры искусно чередовались строго по рангу.

Нельзя сказать, что столы изобиловали едой, и это удивляло. Непохоже, чтобы Иалона слыла образцом скупости, а ведь раньше в ее замке, да и в поместье Кондрада столы буквально ломились от всяческой снеди: и местной и привозной — начиная от речных раков и всевозможной дичи и заканчивая эклерами, тортами, привозными ягодами и фруктами. Помнится, на последнем пиршестве в поместье Дорсет длинный банкетный стол был уставлен тушами жареных кабанов и запеченных птиц, соусниками с разноцветными соусами, огромными тарелками печеночного паштета, копченых колбасок, изысканной рыбы — морской и речной, подносами с разнообразными диковинными ягодами и фруктами, все время подносили пирожки из печи — с пылу с жару...

По местным понятиям королевский пир должен быть горой, вино и напитки должны литься рекой. А тут всего по чуть-чуть. Даже странно как-то...

В то время как я бурчала и занималась расправлением складок шикарного белого платья, в столовой нарисовалась вереница лакеев. Всем выдали по порции дымящегося ароматного супа в фарфоровых тарелках с вензелями. Причем супа налили столько, чтобы эти самые вензеля были хорошо видны. Жадины! А я вот наплюю на манеры и попрошу добавки. Специально! И посмотрю, как мажордома карачун хватит. Мне этот скуксенный мужчинка с лицом, открыто обвиняющем владельца в подагре и застарелом геморрое, никогда не нравился!

Хотя... я, наверное, неправа. Порции маленькие, потому что они на еде экономят. Интересно, что все же произошло? Нет! Мне неинтересно! Мне все равно! Я домой хочу! Даешь медовый месяц!

— Итак, ваше величество, — начал Кондрад, — теперь бы мы хотели узнать, зачем и с какого перепугу вы выдернули сюда нашу компанию и что это за объекты кружат над Лайе?

Королева смутилась и пролепетала:

— Я, собственно, вас и не приглашала...

— А как мы тут оказались? — У меня глазки открылись широко-широко. Вместе со ртом.

— Я просила о помощи... — пролепетала Иалона, как-то съеживаясь под тяжелым взглядом Черного Властелина и делая тихую попытку залезть под скатерть.

— Да-да, припоминаю! — закивала я головой, присоединяясь к мужу и тоже упирая тяжелый, немигающий взгляд на белокурую лахуд... названую сестрицу. Собственно, только это обстоятельство да еще память о ее героическом заступничестве перед Кондрадом и спасли кое-кого от немедленного приведения в действие плана под кодовым названием: «Полежи-поостывай!» С угрозой произнесла: — Я в курсе, как ты просишь!

— Да нет же! — взорвалась королева и собралась качественно порыдаться. Немного, зато со вкусом и виртуозным владением актерским мастерством. Талантом лицедейки сестру какой-то местный бог явно не обделил. Порыдаться ей приспичило не абы как, а обязательно на чьей-то мужской груди. Чисто случайно рядом оказалась вполне подходящая... широкая грудь Дениса.

Туда-то наша обиженная и уткнулась, успев добавить перед приступом рыданий:

— Я вас не звала. Просто молилась и просила подсказки у богов, что мне делать! А тут вы... Я обрадовалась... А вы... мне не рады-ы-ы-ы...

И сопли об Денискину рубашку! Я поморщилась. Честное слово, страшно подумать... это ж после эдакого водопада как мой братик в районе груди блестеть будет... когда высохнет.

— Если я правильно понял, ваше величество, — Кондрад остался невозмутим и на Иалонин слезоразлив не повелся, — вы нас не звали, а попросили о помощи? Как в прошлый раз?

— Да-а-а! — провыла королева, деликатно промакивая красивые глазки лацканом Денискиного пиджака. Меня при мысли, сколько тот дизайнерский костюм стоил, покорежило. Все зло от блондинок! Вот!

— И имен не называли?.. — «Штирлиц, вы русский шпион?»

— Нет! Что вы! — замотала головой сестренка.

— И в мыслях образы не держали?.. — «Клей «Момент» приклеивается намертво!»

— Нет! — И снова приникла к широкой груди моего брата, который слегка прибалдел, судя по отсутствующему взгляду синих глаз и поглаживанию Иалоны по короне. Хотя, замечу, волосы гораздо мягче. И не колются.

— Тогда кто все это подстроил? — проявил законное чувство легкого удивления любимый. И даже от волнения забыл про закуску.

— Не знаю, — честно призналась королева и, отодвинувшись... нет, отклеившись от брата, уселась прямо. Типа: «Буря миновала, будем собирать урожай камней!»

Ага. Щас! Я кому-то потом такой камнепад устрою... Джомолунгма вместе с Тянь-Шанским хребтом на том месте образуется!

— А кто знает? — Это уже был риторический вопрос.

— Я знаю! — раздался громовой голос. И начались театральные эффекты...

Для начала в центре зала образовалось небольшое облачко, по которому в шахматном порядке пробежали молнии. Потом гроыхнуло, бабахнуло... из дымовой завесы с фейерверком наружу шагнул мужик в полной броне (справедливости ради замечу — местами прорубленной насквозь и весьма прикопченной!).

— Опа! — Рот у меня в который раз открылся, но лишь для того чтобы спросить: — А в вашем мире о проводимости металла никто не слышал? Мужика в бронетрусах уже должно было несколько раз током шандарахнуть! Или поджарить до хрустящей корочки!

— Тихо! Это бог войны, — шепнул мне муж, вскакивая и почтительно опускаясь на одно колено. — Приветствую тебя, Рицесиус!

— Ладно! — замахал мечом, как дирижерской палочкой, актер погорелого театра. — Тут все вроде как свои. Кроме некоторых, но если они будут против, то перейдут в разряд чужих! И обращаться мы с ними будем по законам военного времени!

— К стенке поставим? — вспомнила я революционные фильмы.

— Шлепнем! — закивал бог, вкладывая меч в ножны.

— Угу. Ремнем по заднице? — А что такого? Должна же я уточнить условия пребывания у стенки. Вдруг там лучше, чем здесь?

— По голове! — погрозил мне Рицесиус бронированным пальцем. Да! А я прям вся испугалась! Это у местных с богом личные отношения, а у меня с ним — общественные!

— Что доброго нам скажешь, сударь хороший? — Я на колени, в отличие от присутствующих господ, падать поленилась, но так и быть, одарила бога легким поклоном.

Вроде как «уважаю, но не раболепствую».

— Осада замка Лайе — дело рук бывшего заключенного, господина Гайно, — обрадовал нас Рицесиус «веселыми» известиями. — Этот прощельга, — скривился бог, — вышел из одного знатного и древнего рода, в котором по наследству передавалось особое Слово. Но использовать его можно только по очень важному делу. Ума не приложу, — негромко присовокупил рассказчик, — где этот придурок горгулий нашел? Они ж пятьсот зим как повымерли?

Я невольно хихикнула:

— А придуркам везет! Они ж при дурках, а там такой склад инфы!

Бог не разделял моего энтузиазма:

— А вот умным — нет! Я забираю вас двоих по одному неотложному делу. Возражения не принимаются!

Бессовестно проигнорировав мое громкое восклицание: «А претензии?» — Бог небрежно взмахнул рукой, и мы очутились в странном месте, я и Кондрад. Что-то вроде мрачных подземелий какого-то замка. По углам тускло горели масляные светильники, воздух помещения был тяжелым и затхлым.

Бог разросся и теперь возвышался над нами горой громыхающего железа. Мы стояли перед ним, будто мыши у подножия сочащегося лавой вулкана или как два кролика перед большим удавом, злым и голодным.

Впрочем, меня его божественные фокусы не проняли. Хотелось посоветовать обратиться в пункт сдачи металлолома или в... гальванический цех. Для приведения в презентабельный вид своих пожеванных доспехов. Но я благоразумно промолчала, совершив маленький подвиг во имя семейного счастья! И сейчас тихо этим гордилась. Кстати, мужа театрализованное представление тоже не впечатлило. Привык, наверное.

— Помнишь ли Кондрад, Черный Властелин, о данном тобой обещании?

— Помню, — спокойно сказал Кондрад не моргнув глазом. Поклонился и твердо спросил: — Кого я должен убить?

— Ты? — фыркнул бог. Выдержал обязательную паузу и злорадно ответил: — Никого!

— А за... — начал Кондрад.

— Мне нужна твоя жена, — указал пальцем вояка недоделанный на мою скромную персону. («Блин, опять я и опять крайняя! Да что ж этим божкам, кочергой по голове присандаленным, так нейметя! Скипидаром им одно место помазали, что ли?! Или на меня в прошлом году специальными духами с гормонами для божков побрызгали и они теперь липнут, как на мухи на... на мед?») — Хочу забрать ее для одного дела. Важного! На небо.

Э-э-э! Мы так не договаривались! Но стоически молчу, чтобы хуже не сделать. Я потом все скажу... при случае. И покажу. На трех пальцах. Или для разнообразия удариться в минимализм и использовать только один?

Кондрад крепко прижал меня спиной к своей груди, словно пытаюсь обласкать всю, закрыть руками и плечами. Стремясь поглотить, чтобы сделать незаметной.

— Она... — У Кондрада во рту явно пересохло, потому что голос ему плохо повиновался. Он нервно повел головой. — Илона умрет?

— А это уж как повезет! — хмыкнул Рицесиус.

Кому? Кому повезет? Ему или мне? Мне уже повезло. С мужем. Он из другого времени, сейчас таких не делают! И как девушка скромная, большего не прошу и от остальных подарков отказываюсь в пользу голодающих африкан... ой! то есть богов. Но по-партизански

молчу. Мой подвиг уже становится эпохальным!

— Я могу ее заменить? — произнес Кондрад, опуская голову и касаясь губами моей скулы.

Ты что сказал, малахольный? На фига вообще соглашаться? Нужно было упомянуть: обещание дано под давлением и поэтому имеет смягчающие обстоятельства! И обстоятельства могут вступить в силу не раньше чем лет через сто! Или двести! Но молчу. Скоро войду в народный эпос!

Бог смерти проигнорировал вопрос, сложив руки на груди, и разглядывал нас обоих весьма недобрый и хмурый взглядом. Особое внимание уделил мне. Видимо, я слишком резво подпрыгивала от негодования и слишком громко скрежетала зубами от предложенной чести. Под его пристальным взглядом плотину моего красноречия наконец прорвало. И...

— Дедуль... — скромно заметила одна молодая персона. Бог скривился. Исправилась: — Олдер... — Рицесиус напрягся. Он что, моложе?! Или хочет казаться? Ладно, я и на уступки пойти могу!

— Многоуважаемый! Драгоценный! Всемирнопочитаемый! Милостивый! Справедливый! — пафосно изрыгала я, а бог довольно качал головой, экипированной в кастрюлю с ручками. Модерново!

— Незабвенный! — понесло меня. Рицесиус насторожился.

Пока я не договорилась до еще чего-нибудь, Кондрад начал незаметно оттеснять меня себе за спину. Но я не далась!

— Незабываемый! — поправились и заслужила одобрительный кивок кастрюлей. Ну вот, подмазала! Можно приступать к главному!

— Я, конечно, понимаю, что время от времени всех тянет на экзотику, приключений там хочется, вилку получить куда-нить... для остроты игровых впечатлений... Но скажи мне, о лузер из лузеров, положи руку на сердце, а вторую на печень: зафигом вам именно я? С валькириями на небесах напряженка или гурий недочет образовался?

Кондрад удвоил усилия.

А новобрачная тем временем, уворачиваясь от сильных рук мужа, обещала небесному тирану:

— Попалишься ведь... Я ж вам такую райскую жизнь устрою, такого отчебучу, что ваши от меня из рая в ад сбегут все поголовно! Строем! Я ж «FEAR-3» за три с половиной часа прошла! И ни разу не умерла от гранаты! Я ж в своем деле профессионал. Ты подумай!

— Посмотрим, — все так же хмуро пялился хмырь в железных обносках.

Я пригляделась повнимательней. Что-то знакомое было в повороте головы, манере выговаривать букву «р» и некоторые гласные.

— И еще, — вытащила из-за спины и показала разодранную в клочья фату (я, психуя, рвала, пока их диалог молча слушала). — У меня нервы! А от нервов я петь начинаю...

При слове «петь» страдальчески поморщились оба. Я не поняла?! А когда этот... кастрюльно-металлизированный мой концерт успел послушать и проникнуться?

Муж рванул вперед.

— Рицесиус... — начал Кондрад, падая на колени и склоняя голову.

Наверно, решил предотвратить коллективное самоубийство от моего ангельского пения. Человеколюбивый он у меня. Просто мечом — ра-а-аз! — и голова с плеч! А мучить — ни-ни! Прямо умиляюсь!

— И слушать не желаю! — рявкнул местный Марс. — Одно из двух: или она до

полуночи пойдет со мной, или ты умрешь, потому что нарушишь данное богу слово. Выбор за вами.

Кондрад окаменел.

Щас как стукну по кастрюле в прыжке и ногой добавлю! Нет, в юбках не получится и разоблачиться тоже не выйдет! Во-первых, муж не даст. Этот собственник даже на пороге смерти будет меня укутывать с головы до ног. Во-вторых, я не умею выползать из пышных юбок, пока горит спичка. А может, попросить бога подождать и, заманивая зажигательным стриптизом, вывести из равновесия и дать по кумполу? А куда на это время деть супруга? Я ж буду раздеваться, а он меня одевать...

И вот тут я окончательно поняла: брак для женщины — это не стайный образ жизни и не ущемленный социальный статус. Это почетный боевой орден. Или медаль?.. Предлагаю эту ношу так и называть: «ЗА МУЖЕСТВО!»

Я уткнулась мужу в спину и тихо шепнула, выдыхая в ткань смокинга:

— Не поддавайся ему. Ничего он мне не сделает. Все будет хорошо.

Бог немедленно отозвался:

— Да, а чтобы вы, голубчики, о чем-нибудь между собой не договорились — посидите-ка порознь!..

Илона

Хмырь щелкнул пальцем, и нас растащило в узкие, похожие на тюремные, помещения вдоль коридора, настолько крепко изолированные, что ни увидеть, ни услышать друг друга мы не могли. По дороге Кондрад кричал мне что-то похожее на: «Я все исправлю!» Кажется... но не уверена. Все заглушали жуткие потусторонние завывания. Это неприкаемые души тут бродят? И что ищут? Справедливости? Или пожрать? Я маленькая, костлявая и несъедобная. Да... а еще в глаз дать могу!

Как только очутилась в камере, я обвела глазами угрюмые стены, сопоставила некоторые вещи, знакомые интонации, кое-что в движениях и выпалила:

— Я согласна!

У двери тут же нарисовался местный божественный воитель. Вот, блин, двигатель прогресса! А таким стареньким и сочувствующим казался! Может, все же задвинуть ему по кастрюле? Чтоб звон в ушах послушал и от нас отстал! А что? У меня День спонтанного проявления доброты! Проявлю и не замечу, а другие пусть радуются!

Бог вкрадчиво мурлыкнул:

— А не передумаешь? Я все-таки бог войны, знаешь ли...

— Не имею такой привычки! — не утерпела. — Вашу личность знаю с чужих слов, а документы вы мне не предъявляли.

— «Усы, лапы, хвост — вот мои документы!»^[1] — дурашливо пропел Рицесиус и поставил меня, мягко говоря, в тупик.

— Самое интересное заключается в хвосте... — злобно пробурчала я. И тут же пошла на попятный: — Нет-нет! Показывать не нужно! Верю на слово!

— Так не передумаешь? — повторил бог, прерывая мои натужные размышления, куда можно в этом обмундировании запихать хвост, или если это «хвост», то как он там поместился...

— С чего бы? — подняв бровь, спросила я. И подтвердила: — Не передумаю. Могу поспорить, Кондрад пойдет на все, чтобы отвечать самому. Не процокает и пяти минут, как

этот ненормальный вызовется в покойники, лишь бы взять ответственность на себя.

Бог картинно достал секундомер и молча следил за бегом стрелок. Вскоре щелкнул, останавливая отсчет:

— Две с половиной! Ты его недооценила, — щелкнул пальцами, рисуясь, и я услышала...

В коридорах стоял рев Кондрада:

— Рицесиус!!!

— А он недооценил меня! И ты тоже! — отрезала. — Ну так я была права?

— Права! — вздохнула одна давно знакомая и хорошо маскирующаяся коварная личность.

Рицесиус сложил руки у рта лодочкой и прокричал:

— Она согласна, ты свободен! — спиралеобразным движением пальца проделав что-то такое, отчего мы увидели, как бледного Кондрада утащило вниз, во дворец.

Ну, маг-кудесник... чтоб тебя три раза и один налево...

Следом мы с... Рицесиусом вознеслись в... нет, не в райские кущи. На какую-то изрядно облысевшую и довольно высокую гору.

Причем на верхушке этой Лысой горы кто-то особо одаренный в архитектуре среди облаков построил пантеон. Станный такой. Абсолютно без стен. Одни колонны. При взгляде на которые возникало чувство тоски и желание немедленно в них заблудиться и проникновенно поаукать. Или погыгыкать? Может, поорать? А-а-а! Нет! Точно, попеть какие-нибудь хвалебные псалмы! Долго, надрывно и гнусаво. Прямо сейчас и начну!

Бог почувствовал в моем предгрозовом молчании что-то неладное, сделал выводы и быстро спросил по всей форме:

— Соглашаешься ли ты, Илона, принять на себя клятву мужа своего Кондрада и выполнить мое желание?

— Как будто мне дали выбор! — Я уже злилась не по-детски и отчаянно трусила. — Я тут как Иван-царевич. Направо рванешь — по «тыкве» огребешь, налево пойдешь — по «репе» огребешь. А прямо двинешься — ваще без мозгов останешься! И где выход?

— Немного грубовато, — попенял бог, вытаскивая свою железяку и облакачиваясь на нее, — но, в общем, суть уловлена правильно и выводы соответствуют действительности.

Я фыркнула, невербально показывая, что обо всем этом безобразии думаю. И об одном лопухоиде-супруге, и о хитрожо... хитроумном божке «господин-любящий-чтобы-все-было-на-халяву-и-чужими-руками». Я призадумалась. И ведь в их мире второго уже такого встречаю. У них разразилась божественная эпидемия халявоведения, что ли?! Или эту хворь «болезненной шароманией» именовать? Гм... а звучит!

— Бумагу дай, пожалуйста, — попросила я, прищуриваясь. — И карандаш!

Рицесиус щелкнул пальцами, и у меня в руках появился блокнот с карандашиком, типа гламурного девичьего дневника. Розовый! С проволочкой!! В сердечко!!! Тьфу, гадость!

На мое «Спасибо!» металл-мужик кивнул и поинтересовался:

— Зачем?

— Лекцию буду конспектировать, чтобы почитать на досуге. — Я заозиралась в поисках, куда бы примоститься. Нашла и присела на креслице, которое стояло на возвышении посреди зала всех ветров.

— Какую? — не понял моего ответа бог.

— Вашу, — поерзала я в кресле, устраиваясь поудобнее. Потом вооружилась

карандашом и преданно усталилась на металлоконструкцию времен Ледового побоища.

— Илона! — смешливо фыркнул похититель. — Будь серьезной! От этого зависит твоя жизнь.

— Пра-авда? — доверчиво захлопала я ресницами. — Не от уровня сахара в крови или холестерина? Не от уличных ДТП и местного бандитиз... травматизма? А от серьезности? Дык я серьезнее мумии фараона Тутанхамона!

— Илона!!! — прибавил твердости в голосе бог. — Это очень важно!

— Кстати! — У меня созрел весьма насущный вопрос. — А по времени эта клятва как-нибудь ограничена? Или вы теперь всю жизнь со своим корявым пальчиком будете мне семейную идиллию обламывать и «Должок!» кричать вместо «Горько!»? А то, может, и Форсет от меня услуг наперед по той же самой причине потребовал? И теперь я буду, как рабыня страсти, ой, прошу прощения — долга! — переходить из рук в руки, словно полковое знамя?

— А разве семейная жизнь не предполагает какие-то взаимные обязательства и долги? — удивился Рицесиус.

— Для того, чтобы были долги, — наставительно сказала я, — для начала было бы неплохо иметь эту семейную жизнь! Вы же меня ее лишили на неопределенное время. И сейчас мы будем разговаривать о компенсации. Моральной!

— А физической? — вкрадчиво любопытствовал бог.

— Предлагаете Кондраду вставить куда-нибудь батарейку? — задала вопрос, глядя на Рицесиуса широко раскрытыми наивными глазами. — Чтобы наверстал побыстрее? Так меня запах паленой резины слегка пугает, знаете ли!

— Не пошли! — погрозил мне Рицесиус пальцем, зависая над мечом.

— Куда пошли? — прикинулась я дурочкой. — Тут одна комната... и та... по принципу «заходи, кто хошь!». Швабру некуда поставить!

— Ты к мужу вернуться собираешься? — перебил мои излияния рогатый «кастрюль».

— Собираюсь! — закивала я головой.

— Тогда останешься вместо меня на месяц здесь! — нагло заявил бог.

Я поковыряла в ухе с задумчивым видом и переспросила:

— Останусь здесь вместо вас? — Кастрюля громыхнула, кивая. — Зачем?

— Будешь моей И. О.! — торжественно возвестил бог. — Временно исполняющей обязанности бога войны!

— Че-э-го? — Я думала — ослышалась. — ИА я твоей буду, понимаешь! Осликом таким — ИА! — взорвалась я тайфуном. — Огромным таким ослом отпущения с громадными ушами! У кого-то бывают козлы отпущения, а я стану ослом. Это если соглашусь!

— Тогда я убью Кондрада! — заявил беспринципный шантажист, плотоядно облизываясь. В руках замелькали ножи, топоры и прочий бутафорский хлам. Ну иллюзионист! Громовержец хренов!

— А я грохну тебя! — запрыгнув, встала я на кресле в полный рост и уперла руки в бока.

— Я — бессмертный! — похвастался Рицесиус, спрятал свои орудия труда и попытался показать мне язык. Именно что попытался. Язык прищемило упавшее забрало, потому как я прицельно метнула розовую жуть. Естественно, попала.

— Мне по фигу! — честно призналась я. — Один тут тоже наивно полагал, что он бессмертный, а как за яйца взяли, так и коньки откинул. Кошечем покойника звали. Если ты моего мужа хоть пальцем тронешь, я не только яйцо твое найду! Я «утку» тебе презентую!

Зайцем поставлю! И сеанс иглоукалывания пропишу!

Рицесиус пережил несколько неприятных секунд, спасая язык. Жаль только, заживает все на них, как... как... в общем, мало ему прищемило! Я надеялась, что получится больше!

— Грубиянка! — заржал бог. — Но ты мне нравишься! С нашим пантеоном так и нужно! Не проняло! Зайдем с другой стороны.

Я слезла с кресла, доковыляла до склада металлолома и, проникновенно заглянув в прорези шлема, спросила:

— Почему бы не отправить нас сюда вдвоем с Кондрадом? И медовый месяц бы налачился, и от нас сплошные благодарности. «С милым рай и в шалаше», а?

В ответ получила:

— Это священная гора! Кумовство тут исключается, и так родственничков развелось — некуда плюнуть! — Взгляд Рицесиуса стал острым. — Поэтому Кондрада — НЕ БУДЕТ! Не хватало мне здесь этого черного воителя и буйного родственничка в своем доме, чтоб хозяина подсидел!

Я настаивала:

— Нет, ну я-то тебе зачем?

Бог почесал место сверху, примерно опознанное мной как затылок, и ответил вопросом на вопрос:

— Слышала про новые веяния?

— Ага, краем уха, — никак не могла взять в толк, при чем тут это. На всякий случай признаваться в обилии знаний не спешила.

— Так вот, в наше болото нужно привнести свежую струю! — просветил меня местный главрук.

Ага! Бобровую! Чтоб ему факелом три дня затор пробивали, ацтоборец хренов!

— Дуста? — Главное, уточнить! Чтобы ненароком не ошибиться! В дозе!

— Почему «дуста»? — обиделся бог за коллег. — Я говорю о свежей струе...

— Мускуса, — подсказала добрая я, нимало не смущаясь.

— Тьфу на тебя! — добродушно заявил Рицесиус.

— Но-но! — надулась в ответ, складывая руки на груди. — На меня ничего не надо — ни «фу», ни «тьфу». А то саботаж устрою!

— Не надо саботаж, — пошел на попятный бог, или кем он там себя считал... с прикушенным основным органом. — Наше жилище твоего саботажа не переживет. И что мне потом делать? Глобальное землетрясение устраивать, чтоб вернуть уважение верующих? Или всемирный потоп?

Привел основной аргумент:

— Я в отпуске восемь сотен лет не был!

— Ага! — узрела я новую возможность покачать свои права и восстановить ущемленную справедливость в отдельно взятом случае. Главное, не переборщить и не восстановить против себя лично. — А теперь за мой счет собрался погулять?!

— Нет. — Бог почесал «кастрюль». К слову, в этом любимом чесательном месте шлем уже блестел. — Не за твой, а за ваш. Кондрад мне должен!

— Кому он должен, я того «прощу». По маковке, — порадовала я оппонента. — Раза два или три. Со знанием дела и с полной самоотдачей.

— Илона! — рявкнул бог, грозно вращая зенками. — Не груби старшим!

— А вы не размахивайте здесь пенсионным удостоверением! — буркнула я в сердцах.

Но чуточку присмирела и поостыла.

Пару минут мы пялились друг на друга, и тут до меня дошел размер катастрофы.

— Стоп! ЭТО жилище?! — возмутилась я. — Мне на этом сквозняке месяц куковать?!

Вы, наверное, в натуре прикалываетесь?

— Зато всегда приятная свежесть! — легко парировал бог.

— А спать где? — не унималась я.

— Трон трансформируется в кровать, — поведал мне бог и своим заявлением увеличил мои глаза на пару размеров.

— На всеобщем обозрении? — У меня слова уже не вылетали, они выдавливались, как тугое тесто из мясорубки. — А... О... Э-э-э... У вас коммуна хиппи?

— Неа! — радостно сообщил мне металлоид. (Не поняла, и чему этот хмырь так радуется?! Одиночеству?) — Тут только я сплю, а остальные у себя. Но! — поднял он палец. — Это пункт связи!

— С кем? — У меня возникло одно из редких полубморочных состояний. — Ик! Связей с кем?

— С богами! — наставлял меня на путь истинный или сбивал с него извращенец в скафандре. — Здесь у нас проходят собрания...

Ой, что-то мне от его идей шибко поплохело! И мысли всякие неправильные и неприличные вырисовываются... Кыш, кыш!

— Мы захватываем телефон, телеграф и вокзалы. — Я шарила в поисках, куда бы пристроить свое драгоценное тело, пока это самое тело невзначай не приложилось с разгону о мраморные плиты и не разбило себе лоб.

— Нет! Телефон нам без надобности — у нас мыслесвязь! — поправил меня Рицесиус.

Я медленно и печально поползла к трону, бурча себе под нос:

— Как есть придурковатые извращенцы! Придумают же такое... Мыслесвязь!

Доползла, взгромоздилась и, немного очухавшись, повела допрос дальше:

— А где туалет?

— Везде, — развел руками бог. Меч остался воткнутым в мраморный пол, а мои глаза сошлись в кучку от заманчивости предложения. Ни фиги себе работенка — даже без минимального перечня удобств!

— У нас биосреда. Сама себя очищает...

— А помыться? — на последнем издыхании пробормотала будущая И. О. верховного бога.

— Вызовешь Тандера, — примирительно предложил чокнутый громовержец, то бишь кастрюлеголовый Рицесиус. — Он тебе дождик организует любой температуры...

И это умный мужчина? Сам-то понял, что сказал? Позвать левого мужика, чтобы он меня из лейки поливал? Голую? Ага, а я навроде аленького цветочка буду тянуть свои хрупкие лепестки к солнцу? И по пути отрывать загребущие лапы всяких приبلудившихся сорняков? Кошмар. Дурдом на проводе. Будьте милосердны — добейте! Пристрелите, я этого не выдержу! Нет, это лишнее! Спасите несчастную, коварно похищенную деву!

— Отказаться я могу? По принципу — не сошлись на условиях контракта? — вымученно прошептала я.

— Откажись — и твой муж умрет, — спокойно ответил бог, чем окончательно вывел меня из равновесия.

Я уселась на троне, приняла классическую позу царевны Несмеяны и пригорюнилась.

Видимо, моя трагическая физиономия так сильно давила на жалость, что все же добавила большую мозоль одного наглого аморального типа.

Тип глубоко вздохнул и произнес:

— Обещаю — после отпуска ты вернешься к мужу, и я вас больше не потревожу. А ты, в свою очередь, без меня делай все, что хочешь. Но! — бронированный палец снова взмыл вверх в уже надоевшем жесте (во мне немедленно зашевелилась вредная сторона натуры и посоветовала его на фиг сломать), — без фанатизма и в пределах разумного!

Немножко воспрянув духом, я скромненько поинтересовалась:

— Интересно знать, и где заканчиваются эти самые большие пределы?..

В ответ мне развели руками (снова метнув несчастный меч в пол наподобие Артура клинка. Клинок благополучно застрял) и нагло заявили:

— Не знаю, но надеюсь на твое благоразумие! Действуй в соответствии с обстоятельствами!

А? Чего?! Что значит — обстоятельствами? Это понимать: «Действуй-злодействуй»?

Ну как можно надеяться на то, чего в природе нет? Вывел, понимаешь, нового зверя — «Илонино благоразумие»! Три ха-ха! Он бы еще совесть во мне отрыл! Ага! И немедленно закопал обратно, ибо она давно сдохла и превратилась в скелет.

— Хорошо! — вынужденно согласилась я, прекрасно понимая, что спорить можно до бесконечности.

Но бесполезные дебаты ничего по большому счету не изменят, а только затянут время. Которого у меня мало. Там внизу Конрад с ума сходит (я надеюсь!), а дома семья беснуется! Папа наверняка уже крестовый поход собирает.

— Вот и чудненько! — обрадовался Рицесиус и развил бурную деятельность.

Для начала он занырнул ко мне под юбку. Это я вначале так подумала... и сразу отшила наглого мужика, таки осуществив свое заветное желание и со всей дури наподдав ему каблуком по «кастрюле».

Отзвенев останками давно погибших извилин и помотав головой, бог укоризненно сказал:

— Мне под трон нужно залезть, а ты лягаешься!

— Предупреждать надо! — Совесть у меня не проснулась ни в одном глазу.

Да эта лентяйка даже в левой пятке не поскреблась! Зато опять активировалась вредная сторона натуры и стала подзуживать втихомолку повторить подвиг и побить в колокола каблуками. Или в бубенцы...

Решив не доводить ситуацию до критической, я быстренько договорилась с пакостницей — торжественно пообещала предоставить ей полный простор боговредительских действий, но в другое время и поджала ноги:

— Ищи!

— Спасибо! — преждевременно порадовался моей уступчивости местный царь и полез под трон.

Покопавшись там немного, достал чемодан и ширму. У меня немедленно созрел вопрос: как там все это поместилось? Который тут же сменился другим: а что там есть еще? Но озвучивать ни тот, ни предыдущий я не стала. Времени покопаться у меня предостаточно. Целый месяц! Чтоб этого отдыхающего в отель с двумя звездочками (и те — в глазах!) поселили!

Бог расставил ширму, удалился за нее и начал раздеваться. Ну мне так показалось,

потому что оттуда вылетали металлические запчасти. Когда на полу образовалась приличная гора металлолома, увенчанная мечом, ширма сложилась, и...

Я узрела довольно симпатичного мужчину средних лет. В купальных трусах по колено с принтом из флиртующих зайчиков (о как его мое обещание впечатлило! Даже пособие на себя натянул!) и гавайке ужасающей расцветки.

Что сказать... выглядел он неплохо даже по нашим земным меркам. Шатен. Симпатичный профиль, как полагается воину, слегка подпорченный длинным вертикальным шрамом на левой стороне лица, который спускался ото лба через глазницу (сам глаз, к счастью, уцелел!) до скулы.

Ясные открытые черты лица, умные карие глаза, крупный властный рот с узкими губами. Довольно-таки массивная челюсть. Высокие, скульптурно очерченные скулы. В общем — не красавец, но, как Жан Маре, чисто по-мужски о-очень, очень притягательный. Телосложение отнюдь не хилое, крепкий костяк покрыт хорошо развитой мускулатурой. Широкие плечи особенно подчеркнули узкий таз. Ноги... длинные и стройные, словно какой-нибудь греческой мужской статуи. То есть смотреть можно, если не считать прикида. А с прикидом... нет слов!

Причем в руке эта ошибка местной эволюции держала бокал с коктейлем, увенчанный бумажным «зонтиком» с соломинкой. В другой руке покачивался чемоданчик, под мышкой покоился свернутый резиновый матрас, на шее висело гавайское ожерелье из цветов, а талию опоясывал надувной круг.

Вообще мужчина выглядел на твердую четверку с плюсом. Не из породы слащавых мальчиков-зай... Да что ж ко мне эти «кролики» прицепились?! Короче, слащавым мужик не был. К такому никто не подойдет поинтересоваться, какой цвет губной помады нынче в моде. А если и подойдет, то потом или уползет, или унесут. Третьего не дано.

— Ну я пошел? — Отпускник одним заходом всосал в себя полбокала коктейля и шустро развернулся на выход.

— К-куда?! — грозно рыкнула я. — А орудия производства? А доверенность на ведение дел? Ишь, как неймется! Фигушки! Сначала дело, «потехе час» — потом!

— Ах да-а! — опомнился бог и, освободив руки, вернулся ко мне и бойко полез в раскопки под тронем, в который раз наведя меня на мысль об археологии.

Интересно, а мумии нынче в цене? А то бы примариновала по-быстрому и спихнула за половину стоимости в какой-нибудь музей.

Мои размышления были прерваны торжественной процедурой вручения символов власти. Происходило это следующим образом: на голову мне плюхнули все ту же много и нехорошо упомянутую «кастрюлю», а в руки всучили меч и кадуцей.

Сквозь прорезь в шлеме для одного глаза (до парного отверстия мой второй глаз никак не дотягивал) я рассматривала новоприобретенные предметы.

Кстати, у кадуцея на верхушке имелась петелька, в которую была вставлена нехилых размеров «якорная» цепь.

— На фига? — спросила я и сама испугалась гулявшего внутри эха.

Но меня поняли правильно:

— А чтоб не потерять! На шею можно повесить.

— Ага! — кивнула я «рогами».

Любопытно, это намек по Фрейду или явное издевательство? Может, забодать?

— Я пошел! — счастливо заявил халявщик в зайчиках. — У тебя все есть, а чего нет, то

сама найдешь!

— С-стоять!!! — заорала я. — По дороге загляни к мужу и скажи, что у тебя тут божественные каникулы, а у меня суровые райские будни!

— Это ж какой крюк! — припечалился Рицесиус. Но, подумав секунду, неожиданно согласился: — Приветов передавать?

— Можешь Кондрада даже поцеловать, — разрешила я, втайне надеясь, что у кого-то потом будет повод для визита к дантисту. И не один...

— Я подумаю... — ухмыльнулся бог и растаял в воздухе, оставляя несчастную незащищенную девушку на страже своего пантеона. Кнопкодав долбаный! Чтоб ему только в «Сапера» на Земле играть!

Денис

Сколько себя помню, учителя предрекали мне большое будущее, а я всегда горячо хотел помогать людям и буквально разрывался между желаниями стать врачом и психологом. Еще с той поры, когда был длинным, словно жердь, угрюмым подростком и ходил в школу. Возможно, потому, что сам испытывал огромные трудности в общении. А может, оттого, что с детства обладал обостренным чувством справедливости. И я был максималистом. Всегда.

Хотя, признаюсь честно, временами это самое чувство принимало довольно странные формы. Подопытные отбивались, громко возражали и категорически противились «тестам».

Но кто ж им позволит?! Мне друг впоследствии наручники специально у папы одолжил. Для особо тяжелых случаев. Говорил, уж больно его процесс «перевоспитания» завораживает.

Это когда несчастный подопытный криком кричит: «Я все понял, отстань от меня!» — а я упорно продолжаю цитировать школьные правила поведения. Такой вариант воздействия на психику мои младшие братья называли «психической атакой». Работает надежно — сам проверял. После хорошей обработки объекта на год железно хватало.

Если применялась «парапсихология» — то есть подопытный нарушитель доставлялся в темную комнату. После соответствующей истории о привидении злобной учительницы следовало явление Христа народу... то бишь Илонки в простыне, местами намазанной фосфором, — длительность воздействия увеличивалась. Такое мы провернули только трижды, когда я был в седьмом классе. Нарушений у тех хулиганов в дальнейшем не было вообще...

Зато были заикание и недержание. Я же по-хорошему просил сестренку три минуты помолчать! Мало кто выдержит, если подвешенное к потолку светящееся привидение начинает завывать дурным голосом. А если еще и учесть, КАК Илона поет...

Особенно провинившихся впечатлял «Гимн молодежи»:

— Эту песню не задушишь, не убьешь!

Который к тому же сопровождался стенаниями:

— Веревка врезалась, зараза! Сейчас слезу и придушу всех, если не снимете!

После я сестренку в своих проектах не задействовал. Из общего гуманизма.

В отрочестве я стойко сражался за поруганную справедливость и всегда с честью выходил из схватки с превосходящими силами противника. В том мне помогали книги по психологии, медицинские знания и... секции единоборств.

То есть, как вы уже поняли, у меня помимо сестры есть еще два брата.

Одна мамане могла физически со всеми управляться, и на меня пожизненно легли

обязанности старшего. До сей поры.

Конечно, я давно вырос, досрочно окончил магистратуру, заработал научную степень и больше не меняю детские пеленки сопливым братикам и сестричке. Но скажу честно: суть моих обязанностей не очень-то изменилась.

Разве что с посторонними теперь я заключаю контракты, действую на основании профессиональной этики и не беру работу на дом. И все равно у меня по-прежнему почти нет времени.

Половину рабочего дня я, будучи директором большой фирмы, вынужден гонять своих работников в хвост и в гриву и «между делом» проводить психологические консультации. Иногда очень богатых, иногда не очень, а иногда (тсс! Не будем портить мой имидж!) — совсем бедных. В первую очередь моих студентов и их родственников.

Или тех, кого мне секретными каналами направляют волонтеры некоторых общественных организаций, вроде аналогов Ал-Анона или их филиалов для жертв домашнего насилия. Ведь жертвами далеко не всегда становятся бедные люди с улицы. Отнюдь. Так наш филиал обзавелся двумя домами и квартирой-убежищем. Помогала жена очень состоятельного человека, которую наши когда-то спасли.

Да, вернемся к моим личным овечкам... Вторую половину дня — обычно я провожу психологические судмедэкспертизы. Третья часть моих усилий тратится на поток любознательных студентов в нашем медвузе. Это уже для души.

Я всякий раз стараюсь относиться ко всем одинаково ровно. Разнообразная аудитория помогает мне не закипать и видеть одну и ту же ситуацию с других ракурсов. Это весьма стимулирует. Мои родные постоянно дразнятся по этому поводу: «Конечно, всегда приятно узнать, что ты не псих и есть кто-то, кому намного хуже, чем тебе!»

Четвертая — негласная, неоплачиваемая и тем не менее очень важная для меня — моя семья. В самом деле, насколько сложно бывает уладить трудноразрешимые противоречия между бывшим десантником, бойцом отряда «Альфа», сверхдоминирующим папой-полковником, младшеньким раздолбаем и неукротимой сестренкой. Та еще задачка! Нам с мамой досталась пожизненная роль миротворцев. Но честно скажу я вам, благодарной ее не назовешь.

Одни походы в школу на родительские собрания младших чего стоили! Как вспомню, так вздрогну. Сколько же нервов сэкономил мои родители! Да-а-а... и ровно столько же, если не больше, потратил я сам.

Про чумовые выходки младших братишек и говорить не стану, тут все понятно: парни все-таки. Но сестра-а-а...

Мой милый эльф с чумазой мордахой и широкой улыбкой! Как же ее люблю, мою шальную сестренку с вечно протертыми штанами на коленках и шапкой кудрявых непослушных волос! Ее неувядаемая жизнерадостность натуры, сильно развитое чувство справедливости и огромный оптимизм давно вошли у нас в поговорку. Ну и шкодливость до кучи... чтоб жизнь медом не казалась. Илонка, наше маленькое солнышко, лучик света в мужском царстве!

Представляете выражение моего лица, когда учительница биологии показывала мне татуированную жабу?! Не знаю, как это получилось у нашей Илоны, но во всю спину земноводного тянулась корявая красная надпись: «Не забуду мать родную!» На животе продолжение: «Да ну меня в болото!»

Причем Клавдия Матвеевна билась в истерике, тыкая в меня VIP-коллекционной жабой

и возмущенно утверждая, что такого просто не может быть.

Это сестренка с братьями от вивисекции лягушку на свой лад спасали, чтоб ту на уроке биологии не препарировали. М-дя...

А объяснение с учительницей физики, когда моя младшенькая из лучших побуждений натянула на эбонитовые палочки резиновое изделие номер два в виде зайчика с растопыренными ушками?

Наша старая дева, Ираида Викентьевна, скорей всего, и простых мужских контрацептивов в глаза не видела, а уж таких экзотичных — тем паче. Конфликт удалось замять литровой бутылью валерианки и новым пособием для кабинета физики с извинениями и двухчасовыми уговорами — дескать, это были напальчники.

Угум. Для взрослых детей. Она поверила...

И это только малая часть того, что мне приходилось улаживать! Да находясь рядом с моей сестрой поневоле юмористом станешь!

Те, кто не приходил на наши студенческие занятия, считают меня безэмоциональным сухарем. Думаю, это и к лучшему. В самом деле, что было бы, если бы к концу работы клиенты или служащие видели меня в слезах и соплях?

Или если бы я бился в истерике после каждой консультации?.. Да уж... в таком бурном проявлении эмоций для профессионала мало хорошего. Так что уж пусть лучше сухарем считают.

А теперь еще эта скоропалительная свадьба на наши головы... Не знаю, у кого как, а у психологов-мужчин к свадьбам и разводам подход скептично-специфический. Наверное, в чем-то сходный с отношением многоопытных работников ЗАГСa или юристов. Когда я провожаю взглядом пару молодоженов, часто можно про них очень многое рассказать: определить темпераменты супругов, узнать, как друг к другу относятся, легко составить дальнейший прогноз их отношений.

Что поделать, издержки профессии. Как говорится: «Выходишь на пляж — а там болванки, болванки, болванки...»

С другой стороны — человек такое чудо... мини-Вселенная! В нашем деле неожиданные повороты в общем-то избитого сюжета случаются на каждом шагу. Шизофреник входит в фазу стойкой ремиссии, человек с повышенной тревожностью обретает долгожданный покой и уверенность в завтрашнем дне, или, наоборот, вполне нормальный человек, подвергаемый длительному стрессу либо переболевший обычным гриппом, вдруг ведет себя неадекватно и, образно говоря, начинает ловить дельфинов в чашке с водой.

Теперь о замужестве Илонки. На мой взгляд, союз сестренки с этим новоявленным зрелым Ромео хоть и вызывал множество вопросов, но и внушал надежду на положительный исход. Хотя, если честно, всей этой невероятной истории про другое измерение я так и не поверил. Слишком противоречит логике и здравому смыслу.

Слава богу, в остальном ее муж выглядит вменяемым человеком и, безо всяких сомнений, любит Илону без памяти. Хорошо это или плохо — покажет время, не все вещи таковы, какими кажутся. Но я все же рад, что в нашу неординарную семейку вошел именно Кондрад, а не кто-то другой. Его психотип для нее максимально подходит.

Когда понеслась кривая тройка свадебных приготовлений, я помогал им по необходимости в организационных вопросах, ходил на работу, но сам до конца так и не смог поверить, что пройдет всего несколько дней — и моя сестренка станет замужней дамой, уедет от нас и начнет самостоятельную семейную жизнь. Да, Илона в нашей компании

взрослела не по годам, и все же... все же... Брак восемнадцати-девятнадцатилетних редко бывает удачным. Юные невесты мало понимают во взрослой жизни и в особенности не представляют, чего же они от нее хотят.

Ужасно не хотелось думать, что это относится к Илонке, которую я тетешкал с пеленок. Да-да, в свое время я поил мелкую из рожка, потом защищал от остальных наших архаровцев и украдкой решал домашние задания, пока не повзрослел Тарас и не взял на себя функцию ее домашнего репетитора. А папа... пока мы не встали на ноги, наш отец зарабатывал деньги, чтобы обеспечить всем нам достойное проживание.

Так уж в моей жизни вышло, что за всеми хлопотами, учебой и заботами я довольно долго света белого не видел. А когда оглянулся, с удивлением заметил: изо всех сверстников единственный остался холостяком. Ну формально холостяки еще были. Те, кто успел развестись. Порой и не по одному разу. Психологи на самом деле народ влюбчивый (тсс! Я этого не говорил!).

Возможно, из-за этого предстоящий уход сестренки из нашей семьи я почувствовал обостренно. При одной мысли, что она уйдет от нас, становилось немножко грустно и чуточку одиноко. Разумеется, Кондрад славный парень, ей с ним будет хорошо, но... Все время хочется сказать: «А как же мы?»

Поторопился.

Когда прямо посреди бракосочетания после слов: «Берешь ли ты в мужья...» — Илона в белоснежной фате начала валиться в обморок, я в тот момент отреагировал... ну, вы понимаете... Мельком пронеслась спокойная деловитая мысль: «Скоро стану дядей».

Ошибся в прогнозах и в любимой сестренке. Признаюсь, слегка поспешил. И все потому, что ко внезапному перемещению в то самое тридешатое королевство был морально не готов. Но меня, Кондрада и свидетельницу Светлану вместе с полуобморочной Илоной никто не спрашивал.

Высшие силы поставили перед фактом, так сказать. Вышвырнули с земных просторов как миленьких, только звезды перед носом замелькали.

И вот мы здесь, в зале, похожем на помесь актового зала и готического собора. Это место оставило у меня впечатление унылого и всеми забытого. Холодного. Словно лет двести тут не появлялась ни одна живая душа.

Зал с высокими потолками создан для приветственных криков толпы, для беготни слуг и служанок, для приемов и танцев, для шумной радости и веселья! Здесь должна звучать музыка, а не воронье карканье. Он не должен агонизировать, словно умирающий! Знаю, что ошибся, знаю, что люди тут живут и средневековый быт не совсем такой, как мне видится... и все же!

Я попал в мрачные чертоги, в которых непременно должна ждать своего принца Спящая красавица. Еще очень кружилась голова... как будто в воздухе переизбыток кислорода.

Илона злилась, Светлана перепугалась до смерти, а я... встретил самую красивую женщину, которую до сих пор доводилось видеть, — (мне уже потом сказали) королеву здешних земель.

Она привстала и повернулась к нам... Меня словно молнией ударило. Вот она, моя Весна Боттичелли, Спящая красавица этого замка, единственная и неповторимая! Взгляд обиженного ребенка и полная растерянность. Поразительная чистота души.

Ее золотистые волосы были присобраны в какую-то изысканную средневековую прическу со множеством жемчуга, локонов и косичек. Большие глаза казались бездонными

безо всякого макияжа. Изумительно правильные черты лица. На губах мерцала легкая карминно-розовая помада. Шея — лебединая, переходящая в женственные покатые плечики.

А тело... Боже ты мой! Это чувство накрыло меня с силой несущегося сверхзвукового истребителя. Своей узкой талией, которую можно легко обхватить пальцами, бедрами гитары и роскошной грудью идеальной формы она могла свести с ума даже голливудского красавца и вернуть мужскую силу престарелому отшельнику. Эти мягкие изгибы... за них отчаянно хотелось подержаться.

С трудом сжал челюсти, побеждая в себе слепое, иррациональное желание обнять и не отпускать. Единолично присвоить. И это была не похоть. Я просто умирал от желания защитить ее от целого света. Ну не идиот?!

Один взгляд, один только взгляд! Под маской опытной кокетки внутри этой девушки пряталась чуткая и ранимая натура. Я стоял в растерянности и не знал: как мне быть? Язык присох к гортани, пропали готовые фразы и привычные слова. Смех да и только! — впервые в жизни опытный психолог потерял дар речи.

Еще бы! Кто она и кто я... Между нами века разных цивилизаций. Что я ей скажу? «Вы прекрасны?!» Должно быть, она слышит эти слова от придворных по тысяче раз на день. Это уже как мастика для паркета, пошлая и банальная дань вежливости, а не комплимент. Обесценившаяся валюта.

«Я схожу с ума от ваших глаз? Вы удивительны? Я готов ради вас...» — вранье! Я и сам не знал, на что готов ради нее, честно.

Я читал множество книг, знаю наизусть тысячи стихотворений, многие из которых о любви, помню дословно каждый сонет Шекспира... Так отчего же все эти слова не могут вырваться наружу?

Мое молчание — трусость или благоразумие? Может, ошибся, и она глупая кукла с фарфоровым личиком? Или отъявленная дура? Или опытная интриганка?..

А глазам моим было все равно. Они, проклятые, приклеились к одной девушке и не желали находить другую пищу! Господи, люди, тресните меня по голове чем-нибудь, иначе пропал!

Стоял и позорился, не имея сил оторваться от ее лица. Прямо помутнение какое-то нашло! Слава богу, сам в обморок не брякнулся. Стыда было бы! До конца своих дней не отмыться.

Дальше языкатая сестренка, кажется, нас представляла. Перекрашенная в брюнетку Света, драматично закатывая выразительные светло-карие глаза, с завидной регулярностью падала в обморок, Кондрад вежливо ругался...

Туман в голове не рассеивался. Я получал знаки робкой симпатии. Мы с Иалоной, словно танцоры в паре, не сговариваясь, повторяли жесты друг друга. Взгляд, отведение глаз, поворот головы, еще один взгляд. Смущенный румянец, опять отводит глаза...

И тут началось... В окошке, на которое с гневом и страхом указала Иалона со словами: «Моя проблема заключается в этом!» — нарисовалась на редкость мерзкая харя.

Я еще раньше заметил странные сумерки, льющиеся из окна. Ну так вот! Помните фильм Стивена Кинга «Птицы»?! Как я понял из сбивчивой речи девушки, ситуация та же... только птички покрупнее и позубастей будут. К тому же эти заразы — говорящие... кроме всего прочего.

Театр абсурда цвел махровым цветом. Посреди званого обеда на сцене появился местный бог. Или божок, я в их пантеоне разбираюсь слабо, точнее — совсем не

разбираюсь...

Погрохотав железом и попугав прихожан, этот громовержец среди бела дня утащил молодоженов, никто и мяукнуть не успел. Чуть поразмыслив, я пришел к выводу: судя по мимике и интонации, вредить им бог не собирался. Ему что-то от них нужно... от нее. Бог... Рицесиус, по-моему... все время бросал на Илону взгляды, выражавшие глубокую заинтересованность. Несексуального характера. И это сильно утешает.

Пока осиротевшая паства моргала глазами и щелкала клювом, с потолка свалился Кондрад. Один.

— ...! ...! ...!!! — заорал зять, белый от страха и ярости.

Оглядевшись, он схватил графин с вином и запулил в противоположную стену. Светлоголубые шпалеры трапезной украсились багровыми разводами. Следом над головами сидящих в том же направлении ласточкой улетел стул. Низко так пошел, к дождичку, наверно. Подтверждая эту верную приметку, в ту же сторону с грохотом отправился еще один стул. И еще. И еще.

На пятом заходе на руках Кондрада повис его друг. Деррик, кажется. Он взволнованно попытался зятю что-то вколдовать.

Больше никто к Черному Властелину не совался. Я тоже. Своя шкура дороже стульев.

В безумных зеленых глазах появились следы некоторого узнавания. Кондрад на секунду затих, видимо собираясь с силами. Или разбирая осколки недавно почившего благоразумия?

С королевой мы заговорили одновременно...

— Где Илона? — Меня очень интересовал факт пропажи сестры. Можно сказать, весьма и весьма.

Неслучайно господин Дорсетский на стенку лезет! С Илоной случилось что-то недоброе. Кондрад — воин с закаленной психикой, просто так он чужую мебель крушить не станет.

Я попробовал проанализировать обстановку и сразу успокоился. Зря зятек нервничает! Зная Илону так, как я, на его месте скорее бы пожалел того несчастного, который с ней свяжется по-плохому. Забыл, что ли, свои суровые будни здесь, во дворце в качестве Черного Властелина?

Это истории о перемещениях я воспринимаю с трудом. А в шkodную натуру сестренки я верю всегда! Если есть в мире какая-то стабильность и незыблемость, то она — в хулиганстве Илоны!

Похоже, и королева так думает:

— Фи! Как вам не стыдно, здесь дамы!

Похоже, кто-то совсем не собирается жить долго и счастливо, откровенно нарываясь на близкую и скоропостижную кончину. Мученическую, насколько я могу судить по налитым кровью глазам зятя.

— Молча-а-ать! — командирским голосом рыкнул Кондрад, одним только взглядом обещая Иалоне все девять кругов ада. Сразу и не отходя от кассы. Девушка все же оказалась понятливой и спряталась за меня. Удивительное дело — тихо и молча! И это тоже радует.

— Илона осталась у Рицесиуса! — мрачно поведал мне зять. — Не спрашивай, не знаю зачем.

— Это классическое похищение невесты! — вылезла ушибленным интеллектом тощая Светлана. Выдала призыв в массы, сверкая зубами и длинными прозрачными ногтями с рисунком: — Мы должны собрать за нее выкуп!

«Массы» посмотрели на нее с прохладцей и заметным неодобрением. Им не хотелось отдавать кровные денежки. Мы с Иалоной — с ехидным интересом, потому как такую ду... умницу... нечасто встретишь. Кондрад мученически закатил глаза и явно пожалел, что никого не сможет сделать ниже ростом путем усекновения пустой головы.

— Что будем делать? — задал я, по моему мнению, самый насущный вопрос, относящийся к обеим ситуациям.

— Отпусти! — отпихнул Кондрад Деррика. — Не знаю, кто как, но я буду спасать Илону!

— Похвально! — порадовался я за сестру и чуть охладил его буйную голову. — А как именно?.. Мы даже из дворца не можем выйти!

— ...! — крепко и немногословно высказался зять и попытался снова что-то сломать. Затея ему по большей части удалась. Ценой вывихнутой стражнику челюсти и усилиями четырех секьюрити мы остановили его поползновения на остатки мебельного гарнитура. И так только половина сохранилась после приступа его гнева.

Пока местные стражи правопорядка спасали ценное имущество, в зале прямо из воздуха появился еще один действующий персонаж.

Нас посетил мужчина средних лет. Обычное дело, как я понимаю... подумаешь, пришел из воздуха?! Сегодня день такой... погода ясная, летняя...

Но! Был он в дурацкой гавайке и купальных шортах по колено с рисунком из заигрывающих друг с другом зайцев. Чудак храбро обвешался со всех сторон предметами, остро необходимыми для... приятного отдыха на море. Там были: водяной матрас, надувной круг, бинокль, аптечка, ожерелье из вульгарно-пестрых цветов и, как патронташ через плечо, — средства индивидуальной защиты.

Причем в таком количестве... Я обзавидовался. Это ж какая мужская производительность намечается! Да ему работать над увеличением рождаемости в специализированном центре надо, сколько добра вхолостую пропадает!

В общем, видок — блеск. Для дворца самое то. Нарочно не придумаешь.

Пока я удивлялся и немного завидовал чужому мужскому самомнению, Кондрад отшвырнул от себя удерживающих его солдат, с рыком бросился к прищельцу и проорал:

— Где? Моя?! Жена?!!

— Привет, Кондрад! — непринужденно помахал коктейлем довольный мужик. — Илона просила передать...

— Что-о-о?! — выдохнули мы все одновременно. Разница была лишь в количестве восклицательных знаков в конце предложения. Всех переплюнул зять. У него, судя по интонации, их насчитывалось минимум сорок. Именно это число достаточно ярко светилось в изумрудно-зеленых глазах, намекая на торжественные похороны и пышные поминки.

Широкой души все же человек! Горбушки хлеба для ближнего не пожалеет. Мастерски воткнет ее горло тому самому ближнему и придушит. На всякий случай, чтоб не вздумал оживать, гаденьш... М-да... гуманист. Средневековье, как я погляжу, особо правами человека не заморачивалось...

— Илона просила передать... — снова завел шарманку будущий объект таксидермиста.

Всеобщий паралич дыхательных путей.

— ...Она решила проявить доброту и понимание и осталась на месячный срок замещать меня на посту верховного бога. Всем «оревуар» и «ариведерчи!» — С этими словами бог испарился.

— Ой, мама! — Королева побледнела и вплеснула руками. Мне хотелось упасть на пол и забиться в судорогах смеха. Безумие, говорят, заразно. А к заразе этого мира я, видимо, не иммунен.

— Умрем молодыми! — оптимистично заявил Деррик. Чихнул и добавил: — Весь мир будет за этот месяц сметен с лица земли! — Благоговейно выдохнул: — Я Илону знаю!

— Мама!!! — вскричала Светка и снова грохнулась в негигиеничный обморок, чтобы отдохнуть на холодном и относительно грязном полу.

Вот симулянтка!

Замечу, ловить ее никто не спешил. В конце концов эта почетная роль досталась Деррику, который умело сплавил девушку на попечение слуг. Те крутили носами, глядя на ее нескромный прикид, но своевольничать не посмели.

Лечение довершила королева, снова щедро полив «беспамятную» Светлану из графина розовым вином. Мои аплодисменты! Я начинаю восторгаться ее хладнокровием!

А у нас начался форменный кавардак... В общем, с небольшой натяжкой это можно было обозначить как «эмоциональный обмен мнениями». Как всегда, с громадным отрывом солировал Кондрад.

— Не повезло нам, однако! — оценил до конца я масштаб ужасающей катастрофы. — Илона на троне — это...

В общем, их мир на пороге веселой и занимательной гибели. Прав Деррик, зуб даю!

— А связаться с Илонкой можно? Мужа под бок вернуть, умные советы там по управлению миром передать?

— Можно-можно, почему ж нет? Хоть щас! — мрачно согласился Деррик, дергая за рукав и спасая от пролетевшего надо мной снаряда.

Кондрад снова начал атлетическую разминку, вокруг свистели щепки и обломки.

— Если попадешь к этому сумасшедшему под горячую руку — в тот же день будешь беседовать со своей сестрой на небесах, клянусь богом! — Деррик продолжил.

Меня подмывало спросить: «Каким именно богом?! У вас же их нынче много развелось?»

А знаток божественной иерархии вещал:

— ...Может быть... если пробьешься. К верховному богу не всех допускают, только святых или избранных. — Лукаво спросил: — Ты святой? Или примеряешь корону мученика?

Я поперхнулся. К должности святого как-то по жизни никогда не стремился. Скромность не позволяет. Про мученика вообще... умолчим.

Деррик, фыркая, просвещал:

— А если ты не святой, то, как правило, дело решается на уровне бога смерти Фалисименто.

— Благодарю, — твердо отказался я от подобной чести, наблюдая за носившимися туда-сюда стражниками.

Если Властелин несся за стулом с гнутыми позолоченными ножками или тумбочкой розового дерева... или еще каким предметом интерьера, толпа громыхающих доспехами вояк мчалась за ним. Если служивые не успевали догнать воителя раньше и отобрать, то бежали уже в противоположную сторону.

Королева Иалона в полуобмороке откинулась в кресле.

Очнувшаяся Света громко визжала на одной ноте, часть придворных продолжала стоять

на коленях с молитвенно сложенными руками, блаженно плясая на то место, откуда только что усвистало местное божество...

Словом, в королевской малой столовой всем нашлось занятие, было весело и нескучно.

Серьезные спасательные меры начали приниматься только тогда, когда неумолимый Кондрад перешел с мебели на колонны и принялся уже крушить их, причем, для подручных предметов отбирал у стражи мечи и секиры. Стража больше не рисковала и в столовую с острыми предметами не входила. Вскоре все же у кого-то из командиров проснулась элементарная смекалка, и вояки ввалились в столовую с сетью для рыбной ловли.

Ну да, ну да...

При всем трагизме событий мы с Дерриком переглянулись и чуть не заржали в голос. Нет, возможно, это бы на ком-то другом и сработало... но только не на побочном сыне испанского быка на корриде. Зять раздул ноздри породистого носа, крепко выматерился, подобрал с пола саблю и мигом порубил этот невод на носовые платки. «Рыбаков», правда, как бывший военачальник пожалел, сунул саблю за пояс, перехватил меч в другую руку и лишь слегка потыкал их в мягкие места, так что походка у стражников стала весьма пикантной и по-своему даже занимательной.

А тем временем Кондраду, видимо, показалось мало развлечений, и он рванул куда-то, где, по его разумению, было гораздо интереснее.

Мы с Дерриком снова переглянулись и, не сговариваясь, припустили следом за ним, пока этот малахольный весь королевский дворец не развалил. Что сказать — молодец! Классно получается: Кондрад долбит стены изнутри, горгулы — снаружи.

И все при деле...

Ориентируясь на сломанную мебель и порубленные шторы, мы выскочили на крышу. Вот тут-то и началось истинное веселье.

Илона

Сидю... Сижу... Высиживаю...

Это все, что проносилось в моей абсолютно пустой голове, замаскированной рогатой кастрюлей. В одной руке кадуцей, в другой — здоровенный меч. Между ними я. А во мне гуляет ветер странствий, выметая все — и полезное и вредное...

Целая философия вырисовывается... вокруг дурдом на проводе, я в середине этого дурдома — и тишина...

Первая мысль, случайно забредшая на огонек: «Надо отсюда валить!» У меня куча дел. Муж там один, Денька без присмотра, Светка в истерике, горгулы неучтенные — а я тут расслаиваюсь!

Стащила презентованный шлем, почесала диадему. Сняла диадему, почухала темечко. К первой мысли приблудилась вторая: «В платье далеко не ускачешь, особенно — в пышном и длинном!»

В этот момент в носу засвербело и захотелось немножко пореветь. Ну просто так, для души и от нервов. Причем громко, со вкусом, с чувством, жалобами и всеми другими сопутствующими телодвижениями.

У меня все же свадьба! Была...

Я к мужу хочу-у-у-у!

Назревающую истерику прервало до этого остающееся в стороне сознание и ласково спросило: если я пореву в три ручья и порву на себе волосы, демонстрируя неизбывное горе,

что-то изменится?

— Конечно! — сообщила я в ответ. — У меня распухнет и покраснеет нос. Ага. Плюс к тому значительно поредет шевелюра.

Плакать расхотелось мгновенно, зато выиграло ретивое. Это то самое пламенное, идейно ориентированное чувство, которое вечно колет в мягкую точку, призывает на баррикады, а само прячется где-то в сторонке.

Огляделась в поисках чего-то острого (кто сказал «ощущений»? — отставить!). Нашла. Меч...

Риторический вопрос: вы когда-нибудь пробовали отрезать юбки мечом? Нет?.. Много потеряли! Честно говорю! Это такая экзотика!

Сначала нужно собрать подол в горсти, потом второй рукой направлять меч. Так как оружие жутко тяжелое и в женской руке, даже тренированной, не удерживается, то прежде чем взяться за эту процедуру, поучитесь резво прыгать вверх и в стороны.

И еще... чисто житейский совет: отбейте каблуки сразу, иначе они будут ломаться по одному и создавать дополнительное препятствие в прыжках. Впрочем, если вас привлекают изначальные трудности, то можно оставить и так...

Испробовав массу способов и попутно поминая всю родословную богов этого мира в мельчайших деталях, я все же нашла один наименее травматичный способ: зажала меч между колен и как смогла отпилила подол. Правда, кое-где... местами оторвала. Мест на поверку оказалось слишком много.

И лишь в конце процесса я додумалась до чего-то конструктивного: нужно было всего только снять кринолин... и не мучаться!

И где были в это время мои мозги? Где-где! Рядом с мужем!

Представив свое серое вещество, активно бегающее за Кондрадом и заглядывающее ему в глаза, впечатлилась. Ой, надеюсь его в этот момент не стошнило!

Приведя себя в боже... тьфу! Скоро оскомины на это слово будут и условный рефлекс выработается: «Хочется просто рвать и метать!». Когда-то это уже было... Сейчас опять прилезет ностальгия и начнет капать мне на инстинкты.

А тут и капать не надо!

Верховодить будет один из двух основных — инстинкт размножения!

Так вот, привела я себя в удобоваримый вид... если ЭТО так можно назвать. Хотя... очень креативненько. Платье хорошо покоцанное, колготочки драные, босиком, легкая небрежная растрепанность по типу: «Пусть стоит хоть что-то». Что-то и стоит... колом. Только не то, что у мужчин...

Красота! Баба-яга сейчас бы обзавидовалась. Ей до такого не додуматься!

Покрасовалась я сама перед собой и... порадовалась за мужа.

Ну, подумаешь, что его рядом нет, и он меня сейчас не видит, — зато сохранит себя молодым, черноволосым и работоспособным! Причем во всех смыслах и отношениях!

Попробовала свалить по-тихому из этого райского местечка. Дошлепала до края и попыталась выглянуть за пределы. Щас! Та-ак лбом долбанулась... аж голубки вокруг головы зачирикали! Или закурлыкали?! А может, заготовали?.. Тьфу на вас!

Хорошо, что, по утверждению Тараса, мои мозги обычно мигрируют в район копчика и сильно не страдают при ударе головы. Скорей всего, он прав. Меня только в этом мире два раза по макушке дубиной гладили — и ничего, еще сама до чего-то додуматься могу. Не сразу, правда, но могу же!

Когда немного утих звон в ушах и я перестала ловить голубей и считать звездочки, то пошла выяснять — чем же так больно дерутся. Оказалось, вокруг чертовой полянки с лопухами... ой, с колоннами! — по самому краю словно прозрачный барьер. То есть гляди вниз сколько хошь, а выйти — ни-ни!

Это ж не замещение, а тюремное заключение получается! Аж тоска меня взяла. Я уже и проголодалась, всласть поругалась, поплакала, нацарапала где попало пару матерных выражений.

Особо досталось ближайшей к трону колонне и ее основанию, которое высококультурные люди еще стилобатом кличут — я там целую «стену плача» устроила.

Рассказала на русском матерном, где я видела этот Парфенон вообще и Рицесиуса лично. Что я с ними сделаю и где я их оставляю. И в каких позах. А еще пожелала всем этим засранцам незабываемый эротический тур, но совсем не в том смысле, в котором собирался его иметь поганец Рицесиус.

Зря, что ли, я перед этим вспоминала родословную? Чего знаниям зря пропадать? Пусть и другие ими пользуются!

С досады полезла под трон и перевернула все божественные заначки, после чего поняла: там такие завалы... чтобы их реально все осмотреть, надо сюда на ПМЖ перебраться... Загрустила.

Потом залезла еще раз... Под руку попался ночной горшок. Милая штучка! Ширма у меня уже есть.

Следом выкатилась скалка. Причем сама. Намек? Полезла дальше. Вытащила на свет бож... белый тоненькую потрепанную книжицу с названием «Как стать богом». Меня прям счастьем так и окатило! Пособие нашла! Инструкцию!

Уселась на ступеньках трона и начала читать. Написана книжка была от руки, и чернила от старости и сырости кое-где расплылись, но общий смысл угадывался...

Еще бы разобрать язык...

«Мырбылм привслекр мукапам... Вельми бережно возьми в десницу... васимпну ывсипае дтрима... кадуцей златоголовый...»

Обернулась. Если петельку можно засчитать за голову, то это он. Приподнялась, взяла в руку, как булаву. Села читать дальше.

«...Мухомор стрависву растильбу... пожелай... Фыркуласа свалива... взмахни... растивука. Кудой...»

Дальше шла галиматья полная. Бред сивой кобылы. Я в него не стала углубляться и вникать, на каком языке все это понаписано, — местную письменность я все равно не знаю. Но Острожниковы-Дорсетские просто так не сдаются!

Перечитала еще раз. Затем попробовала, взмахнув дрыном, вызвать Кондрада с братом.

Фиг вам!

Посреди полянки появилась надпись «Access Denied», после третьего раза возникла тучка, а на ней горело алым «Blocked». Когда я махнула местной палочкой-выручалочкой снова, из тучки полыхнуло молнией — убить не убило, но напугало прилично! И волосы опять встали дыбом.

Я та-а-ак обиделась! Страшно. Размахнулась и стукнула этим «златоглавым» об колонну: — Если мне никуда нельзя, то почему моей семье сюда нельзя? Помогите!

И — бамц-бамц-бамц! — сверху посыпалась труха... по-моему, отходы птичьей жизнедеятельности и что-то еще зеленое, мохнатое и с лапками.

Последнее меня как-то отрезвило, и колотить я перестала. Если у них тут такое с потолка сыплется, то чего ждать на голову следующим? Розового бегемота с крылышками? Или фиолетового лося с парашютом?

Села на трон и всерьез затосковала. Если Рицесиус хотел сломить мой боевой дух, то он этого достиг. Берите меня тепленькую, я и сопротивляться не буду...

В этом месте значительно громыхнуло, возникла привычная дымовая завеса. Не успела я порадоваться возвращению блудного бога, как из тумана выпал дочерна загорелый «Аполлон» в простыне и с лейкой. Углядев абсолютно незнакомого мужика, я немного засмушалась своих голых коленок и скоренько напялила «кастрюлю».

Правда, без диадемы шлем сел гораздо ниже. Теперь, чтобы что-то разглядеть, приходилось сильно задирать голову и скашивать глаза.

Муж, думаю, будет предельно счастлив получить меня обратно обновленную, отдохнувшую, набравшуюся опыта по управлению богами и косую! Даже не хочу знать, как счастлив! До ужаса!

Поверх нахмуренного чела рокового блондина с карими глазами болтался нимб золотистого цвета. На стройных волосатых ногах (в боги по этому принципу отбирали?) — белые сланцы. На мощной шее медальон размером с суповую тарелку.

Экзотика не просто прет, она раскатывает танком.

Мужчина с лейкой покрутил головой по сторонам, заметил меня, всю красивую и загадочную, и резво потанцевал в моем направлении.

К слову, как бы вы восприняли девушку в свадебном платье с рваным подолом, боевом шлеме и с мечом в руках? То-то! И у него возникли такие же ассоциации.

— Ты кто, таинственно-прекрасная дева? — хорошо поставленным рокочущим голосом поинтересовался мужик в шлепанцах, красочно подбоченившись на левый бок.

Первоначально у меня пропал дар речи. Но никому еще не удавалось заткнуть Илону надолго!

— Исполняющая обязанности верховнокомандующего богами Рицесиуса. Илона, — вежливо вякнула я из-под шлема, привыкая к эху. Теоретически я могла стащить эту тяжелую кастрюлину, но практически мой невесть откуда вылезший инстинкт выживания настоятельно советовал побыть под прикрытием и сильно не высовываться.

— Кто-о-о? — выкатил очи блондин и оттопырил губу. — Да ты, дева, должно быть шутишь!

— Нет! — Мое благоразумие все еще пребывало при мне, и это так радовало!

— Я — бог! — поведал мне мужчина, незатейливо почесывая что-то под простыней.

В который раз прикусив язык, чтобы невзначай не посоветовать ему пользоваться вилкой, я глубоко вздохнула, вспомнила выдающихся женщин-святых, досчитала до пяти и согласно кивнула:

— Догадалась.

— А как... догадалась? — Бог перестал почесываться и начал принимать горделивые позы. — Я выгляжу как настоящий бог?

— Н-ну-у... вообще-то сюда, кроме как богам, никому хода нет, — осторожно пояснила я и покрепче сжала меч и кадуцей.

Блондин задумался и обиделся. Похоже, смертельно. Потому что лейконосец потряс главным орудием труда и повысил голос:

— Меня знают все!

Это он что, такой страшный? Или часто поминают вместо нашей «матери»?

— Замечательно! — неискренне порадовалась за него. — И давно в розыске?

— А?.. — Ну до чего ж туго до некоторых доходит!

Для особо догадливых пришлось повторить:

— Я спрашиваю, давно висите на доске «Их разыскивает полиция»?

— Кто меня разыскивает? — застыл мужик, от удивления позабыв о необходимости изображать пламенный гнев.

— Правоохранительные органы, — четко выговаривая по слогам, расширила его кругозор.

Под кастрюлей все жутко чесалось и становилось жарковато. Если вспомнить фильмы про викингов, то после снятия шлема им обычно все сдавались сразу. Вероятно, побежденные крепким ароматом потного тела и ошеломительным видом немой свалывшейся гривы.

Крепко подумав на пару с богом, я пока отказалась от столь решительного способа заработать авторитет, оставляя мерой крайнего воздействия.

— Странно... Не знаю таких прихожан, — растерянно пробормотал блондин. — Всех знаю, а этих — не знаю... — Попытался сохранить лицо. Принял новую величественную позу и громко повторил: — Я — бог Тандер!

Он решил, что я глухая? Или со зрением проблемы?

— Приятно познакомиться! — машинально кивнула я. — Илона, ИА... ой! И. О. верховного бога Рицесиуса.

Тут до меня дошло.

— Кто-о?! Вот эта размазня с волосатыми ногами в белой простыне меня должна из лейки вместо душа поливать? Да хрен тебе! — и продемонстрировала свое неудовольствие данным обстоятельством с помощью кадуцей. Размер жезла впечатлял.

— Да как ты смеешь, о неразумная дева, такие речи богу изрекать? — выпалил мужчина. — Тебе должно быть стыдно!

— Давайте разберемся, — неохотно пошла я на урегулирование локального конфликта. — Во-первых, я не дева.

Глаза у бога полезли на лоб.

Фыркнула:

— К вашему сожалению...

Бог клацнул зубами и опять смолчал, видимо, в надежде на продолжение.

— Во-вторых, я разумная. Это еще Дарвин доказал, что все люди — гомо сапиенс! В-третьих, мне не стыдно! Стыдно должно быть Рицесиусу, но ему тоже не стыдно, потому что если бы ему было стыдно, то он бы устыдился содеянного...

Бог начал потихоньку доходить до кондиции.

— Мне дурно, воды! — прижал руку ко лбу блондин и забыл переложить лейку в другую конечность. В итоге сам себя полил сверху и привел в чувство. Какой предусмотрительный! Восторг!

— Метод нужно запатентовать! — азартно потерла я кадуцей о меч. — И срочно! Я тут уже столько возможностей упустила обогатиться!

— Д-де-ева... — слабым голосом вякнул мужчина. Тут же одумался: — М-мадам! — набрал в легкие воздуха и уже более уверенно закончил: — Н-не стоит так вольно обращаться с символами власти!

— Да-а? — удивилась я. — А где инструкция по эксплуатации? Как этой хренотенью пользоваться?

Бог схватился за голову и опять себя полил неизвестно откуда взявшейся в лейке водой. По-моему, его это обстоятельство доконало. Он плюхнулся на пол, аккуратно поставил лейку и возопил:

— РИЦЕСИУС, ЗА ЧТО??!

Из окружающего нас эфира зазвучал донельзя ехидный смешок. Ветром принесло отдаленное:

— А просто так...

— Че сказал? — деликатно поковырял в ухе мизинцем Тандер.

— Не знаю, — пожала я плечами и чуть приподняла свою личную наголовную амбразуру.

Смотреть стало гораздо лучше, но думательный аппарат ушел в плечи, и они по этому поводу сильно возмутились.

Я немного подумала и пришла к выводу: мои коленки он уже глазами намозолил, пооткровенничали мы друг с другом знатно. Поскольку, с моей точки зрения, мы стали достаточно близко знакомы — пора выходить на новый круг общения. Не решаясь спрашивать дозволения, я начала действовать и стащила рогатую «кастрюлю».

У мужчины, судя по его внешнему виду, в зобу дыханье сперло, и он слегка остолбенел. Но вскоре отмер, не дав мне погордиться своей неземной красотой.

— Мадам, вы не могли бы надеть шлем обратно? — вежливо сказал бог, скашивая глаза на сторону. Тут его праздно гуляющий взгляд наткнулся на «наскальную живопись», и блондин второй раз обездвижился. И чего он там нового нашел? В первый раз видит, что ли? Может, для пособия перерисовать? Как шпаргалку?

— Неужели я вам не нравлюсь? — состроила глазки слегка прикосевшему богу, шаря под собой и разыскивая недавно подаренный розовый блокнотик. Я, когда шлялась по зоне с усиленным режимом, подобрала эту поросячью жуть и закинула на трон. Теперь вот восседала на блокноте сверху и казалась самой себе та-акой высокой...

— Э-э-э, — озадачился Тандер.

С одной стороны, сказать правду и получить кадуцеем в глаз или по кумполу ему явно не хотелось. По моему ласковому доброжелательному личику было ясно видно, что для ближнего своего ничего не пожалею! С другой стороны, врать он тоже, видимо, не шибко стремился. Все-таки бог. Вот и разрывало мужика между двумя взаимно исключаящими устремлениями.

— Я бы выразился не так...

— А как? — Мне надоели поиски вслепую, и я все же приподняла свою иошную попу и вытащила из-под нее мятую книжицу. На безрыбье обрадовалась ей, как лучшему другу в борьбе за выживание в Парфеноне.

Пока я скакала и показывала богу тыл, последний все же договорил, что он имел в виду:

— Так явно.

— А неявно? — Я достала из-за корешка карандашик и схематично изобразила все то, о чем подробно до этого написала на колонне.

Получилось очень похоже на пещерную живопись, когда человечки гнали мамонта, только у меня они «гнали» вместе...

— Это бессмысленный разговор! — заявил бог.

— Если бессмысленный, то к чему тогда разговариваете? — Я широкими размашистыми штрихами добавила рисункам достоверности. — Чем, собственно, обязана вашему визиту? Вам было назначено?

— Нет, — повинился блондин. — У меня проблемы. Я за помощью пришел.

— И как?.. — подписала внизу страничку для придания ей художественной ценности и выдрала из блокнота.

— Что «как»? — поморщился Тандер, когда я к нему подошла игривой походкой от бедра, покачивая тем, что еще часа два назад носило гордое название «платье», теперь сменившееся на не менее гордое «тряпка». Главное, не уточнять какая — половая или импортная!

— Помощь нашел? — сунула я ему рисунок с автографом.

Бог забыл ответить и снова впал в ступор.

Нужно все же мне «антиморозин» изобрести. А! Нет, его уже открыли до меня! Называется скалкой. И только я собралась за ней сходить, как бог очнулся и спросил:

— Это угроза?

— Это предупреждение, — не поняла о чем это он, но на всякий случай солидно ответила я.

— То есть я могу это отдать Севде? — Блондин прям весь повеселел, расцвел и запах, словно цветущий куст сирени.

Ага... мне тут еще только листиков зеленых на мужике впридачу ко всему не хватало. Для полноты впечатлений.

— Зачем? — удивилась я. — Это вам, а если дама тоже такое хочет, то я, так и быть, нарисую еще. Времени у меня мно-ого...

— Нет-нет, — поспешно заверил меня Тандер, грудью защищая приобретение. — Ей и этот подойдет.

— Да? — удивилась, но спорить не стала. — А кто такая Севда? — запоздало поинтересовалась.

— Богиня любви и красоты, — бережно спрятал листочек под простышкой блондин и собрался свалить.

— Стоп! Стоять! — грозно окликнула, останавливая попытку к бегству. — Я вам помогла?

Кивок.

— Замечательно! — счастливо улыбнулась я. — Теперь моя очередь задавать вопросы. Ок?

— Ок, — поеживаясь, будто от холодного ветра, согласился блондин. Еще бы он не согласился, если я на его шею коварно накинула цепочку кадуцея и сейчас удерживала бога силовым захватом, перекрутив цепь и упираясь концом жезла ему в яремную впадину под горлом! А кадуцей, между прочим, опасно искрил!

— Как отсюда выйти? — задала я первый вопрос.

— Нужно пожелать и представить то место, куда хочешь попасть, — пояснили мне, старательно отодвигаясь от электрошокера.

А погляжу, опасная штучка, раз ее даже боги боятся!

— Пробовала — не срабатывает, — прояснила я проблему.

— Достигается длительными тренировками и упорством, — поделились со мной опытом.

— Ладно, попробую, — фыркнула, не особо веря в успех мероприятия. — А как сюда вызывать?

— На спинке трона список есть, — буркнул Тандер.

— Пошли позырим! — активировалась я и поволокла его за собой. На тыльной части трона действительно висел криво приклеенный скотчем список:

«Севда — 3 раза
Форсет — 12 раз
Тандер — 54 раза».

— Пятьдесят четыре раза... че-это?.. — любопытствовала я.

— Пятьдесят четыре раза звонить, — зло ответил бог.

— Так до вас же не дозвонишься! — выпалила я. — Кровавые мозоли на руках от веревок заработаешь! — и от неожиданности ослабила хватку, чем и воспользовался этот пронырливый лейконосец.

Он поспешно выкрутился из захвата (правда, его все же пару раз приложило током, но несильно. Всего-навсего прическу поменял с нормальной на новомодную, а так все в порядке) и отпрыгнул в сторону.

— Поэтому я сам прихожу! — гордо сказал мне освободившийся бог и свинтил в облако.

— Ну вот! — расстроилась я. — Снова одна. Жди теперь, когда еще кто появится и звонить научит!

— Зачем ждать? — удивилась пустота вокруг меня. — Мы тут! Мы поможем! Мы научим! — заливалось многоголосье. — Мы подскажем! Мы все сделаем!

— Мы — это кто? — Я бы подумала, что сошла с ума. Но было б с чего сходить! Ага.

— Мы — это мы! — отозвалось многоголосье.

— «Это мы» можно увидеть? — Сейчас я уже сильно сомневалась в своем здравом уме. Говорят, раздвоение личности начинается именно с голосов. Но почему у меня их так много? Кому-то лишние были, не понадобились, и он по доброте душевной мне спихнул?

— Можно, — радостно сказала моя шизофрения, распуская белоснежные крылья. Она появилась в виде множества маленьких волосатых клубочков с ножками и ручками.

— А! — порадовалась я за себя и поздравила с галлюцинациями. — «Это мы» — домовушки?

Клубочки, до этого рьяно мельтешившие под ногами, встали, подбоченились и в один голос обиженно произнесли:

— Мы не домовые! Мы выше!

— Ага, — не стала я спорить. Незачем. Глюки всегда правы! — Вы не домовушки. Вы парфенушки!

— Мы парфенушки? Мы парфенушки! — радостно запрыгали шарики. — Нас назвали! Нам нравится! Мы счастливы! Нам нужно поблагодарить!

— За что? — озадачилась я. Но вскоре этот вопрос отпал сам собой, потому что эти клубочки забегали, замельтешили вокруг меня.

— Ты нам любя! Ты нас назвала! — верещала мелочь пузатая, вертя меня во все стороны и окутывая прозрачной дымкой. На всем теле чувствовались осторожные касания легких

пушистых лапок.

Мне оставалось лишь отбрыкиваться:

— Туда лезть не надо! Это личное!

Справиться с таким количеством парфенушек можно было только промышленным пылесосом.

— И туда не надо! Это тоже личное!

Один из волосатиков вдруг подпрыгнул, завис перед моим лицом и, мигая умными, блестящими, как пуговицы, глазенками, с глубоким интересом спросил:

— Почему личное? Видно всем! — и указал на то, что видно всем.

— Видно — это да, — согласилась я, безумно устав от наскоков и набегов, в общем, сдаваясь в полон сразу и без лишних уговоров. — Но трогать можно только лично мужу, поэтому — личное. Понятно?

— Да, да, — еще активнее заскакали парфенушки. — Мы потом ему расскажем! Мы только сделаем личное чистым!

И все это на полном серьезе?! Где моя коечка с серым одеялом у зарешеченного окошка и умный дяденька Наполеон в соседях?

Пока я размышляла о бренности бытия и мечтала о мытье (если так можно сказать в рифму), коlobки-волосатики от меня отклеились, быстренько куда-то смотались и притащили громадное зеркало. Парочка из толпы потянула меня к куску стекла, громко вереща в уши:

— Ты красивая! Посмотри! Ты такая красивая!

Решила проверить и рискнуть здоровьем, посмотревшись в зеркало.

Да-а-а... Здоровье сильно пошатнулось и побежало бегом от инфаркта. В зеркале отражалась... нет! — отражалось! — чудо чудное и диво дивное. Словом, натуральное чудюдо. Точь-в-точь как в сказках его описывают.

От грязи парфенушки меня отдраили, но в довесок к чистоте прилагалось одеяние от сумасшедшего дизайнера.

Волосатики напялили на мое брненное тело ярко-красный сарафан, почему-то с кринолином, или фижмами, или как еще называется та штука, которая делает талию тоньше, а задницу в три обхвата?

К сарафану прилагалась блуза с пышными рукавами розового цвета. На ноги мне обули чуни с длинными загнутыми носами.

Причем носы постоянно норовили выпрямиться, а несколько парфенушек их тут же закручивали обратно.

Голову с неведомо откуда взявшейся косой венчала смесь кокошника с Царь-колоколом. Монументальное сооружение кое-где под обильной позолотой и блестящими камешками отливало бордовым.

Щечки мне обильно нарумянили (свеклой, наверно! Цвет был именно свекольным!), глаза подвели черным.

Угу. Смерть под марафетом! Последний аттракцион! Выживших не бывает!

И была я вся из себя... ни в сказке сказать, ни пером описать... МАМА!!!

— Нравится? Нравится? — скакали по мне парфенушки, что-то поправляя, одергивая и затягивая. — Красная! Красивая!

У меня, честное слово, язык не повернулся послать малышей с их странными вкусами на курсы кройки и шитья, до которых дорогу знает каждый, освоивший несколько емких по

значению слов.

Вместо этого я пробормотала, прикрывая глаза, чтобы не ослепнуть от подобной красоты:

— Спасибо! Очень мило. А нельзя что-то попроще?

— Она сказала «спасибо» — возрадовались волосатики. — Мы поможем! Мы сделаем!

И снова круть-верть в разные стороны... Юлу им, что ль, подарить? — чтоб больше никого не трогали.

— Нравится? — отпустили меня парфенушки и подтолкнули к зеркалу.

— Э-э-э, — озадачилась я, не зная, что и сказать. Все выглядело проще некуда.

На мне красовалась узкая, практически в обlipку, холщовая рубашка до пола. Серая с миленькой вышивкой из черно-красных крестиков, складывающихся в странные узорчики, до умопомрачения напоминающие черепа со скрещенными костями. Одевание было настолько узкое, что подразумевало передвижение не иначе как прыжками.

Сразу вспомнились разрезы на балу у Кондрада. М-дя... золотое было времечко! И муж был рядом, практически под присмотром.

На ноги заботливые помощники надели мне лапти, но почему-то украшенные живыми цветочками на носках. Головной убор тоже не забыли. Серенький платочек в красный и черный горошек завязали под подбородком кокетливым двойным морским узлом. Он надежно фиксировал отпадающую челюсть.

«...!» Это все, что пришло на ум и никак не хотело уходить, а гнездилось и размножалось. Причем в геометрической прогрессии.

— Шамешачельно! (Прошу оценить степень моего терпения!) — прошамкала я, сражаясь с платком.

Платок пока выигрывал со счетом два ноль, то сползая на лоб и закрывая обзор, то кренясь в обратную сторону с явными намерениями удушить.

— А еще поудобнее? — Эту коротенькую фразу я выговаривала минут пять.

Но меня поняли.

— Сейчас! — засуетились парфенушки. — Хозяйке нужно помочь! Хозяйка хочет удобно!

Господи, если бы я знала, ЧТО в их понимании значит удобно! Да я бы никогда! Ни за что! В жизни бы рта не открыла! Я бы вообще немой притворялась! Поиграла бы в золотую рыбку, дождалась бы старика с неводом и так бы ему пожелала, чтобы Санта-Клауса и Деда Мороза будто манны небесной ждал!

Смотрелась в зеркало и даже не знала, как себя описать. О! Телепузиков видели? Так вот, вместо телевизора была я! Кошмар!

Не могу сказать, что я чрезмерно впечатлительная натура, но тут ноги перестали меня держать, и я плюхнулась на пол.

Правда, драгоценная пятая точка сильно не пострадала, поелику заботливые хлопотушки... правенушки... ой, парфенушки! — снабдили в этом месте одежду уплотнителем на войлоке или поролоне. Умягчителей тормозной системы моя нечистая... или чистая сила напихала много и заботливо.

Дар речи временно взял отгул. Даже возмущение ворочалось где-то там внизу, в районе войлока, и не собиралось вылезать, чтобы подать свой глас в мою защиту.

Парфенушки выстроились передо мной и, умильно заглядывая в лицо, подпрыгивали от нетерпения и спрашивали:

— Нравится? Нравится?

Я тяжело вздохнула, загребла пару волосатиков, стоявших поближе, и, поглаживая их по головам и почесывая мягкие животики, печально сидела, дожидаясь второго пришествия. Которое не замедлило себя ждать...

Денис

Я всегда знал, что люди от любви глупеют, и понимал неизбежность этого процесса. В самом деле, Мать-природа (читай, наука биология) сделала так, чтобы в состоянии острой влюбленности даже обычные женщины казались царицами и богинями, а в здравом уме от мужчин этого не добьешься.

Но Кондрад... Он побил все рекорды. И не просто побил, он их переплюнул! Интересный способ борьбы со стрессом — сначала заплевать, а потом побить! А таким разумным и выдержанным казался... Я за сестренку тихо радовался, полагал — хоть кто-то в их семействе внесет нотку благоразумия. А тут...

Короче, вылетели мы с Дерриком, задыхаясь, на крышу здания на звон и грохот, следуя путем разрушения, и видим чудное зрелище: невменяемый Кондрад сражается с горгульями... или горгулами? — в общем, с крылатыми мутантами-переростками. Яростно, отчаянно... Как там в сказке? «И бился Илья Муромец с ворогами тридцать три дня и три года и даже до сортира не отлучался...» Всегда поражался художественной выдумке этого былинного персонажа. Но что-то я отвлекся.

А вот крылатики с Кондрадом не сражались.

Окружила его толпа крылатых демонов, замуровала (нет, меня явно сегодня тянет на фольклор!), а дрался он всего с несколькими. Горгульи висели в воздухе и каждый его удар подбадривали довольными криками. Меч высекал искры из каменной кожи, не причиняя ни малейшего вреда, а пара-тройка горгулов подставляли поочередно то крыло, то плечо с веселыми комментариями:

— Вот тут спинку почешу!

— А мне крыло!

— Мне — хвостик! Тыщу лет такого массажа не получал!

Горгулы поочередно сменялись и, похоже, планов на ближайшее убийство зятя не питали. Отнюдь.

Кондрад... он еще не выдохся, но уже заметно устал: по лбу и вискам катился пот, в глазах дикая целеустремленность:

— Рицесиус!!! Верни Илону, слышишь! Верни! Она ни в чем не виновата!

Мы с Дерриком быстро сориентировались в обстановке.

Со словами: «Мужики, на сегодня сеанс терапии окончен», — заломали Кондрада и смогли (спасибо среднему, что в свое время научил!) без особого травматизма отключить Илоиноного мужа.

Типа того:

Мальчики громко играли на крыше,
Два раза по кумполу — стало потише...

Наверное, получилось бы уговорить и без этого, но кто его знает, мало ли... вдруг

ненароком с крыши свалится? Вот уж истина: «Достиг потолка — подумай о крыше»!^[2]

В итоге мы с Дерриком чуть не свалились, когда волокли здоровую тушу вниз, на лестницу под ядовитое хихиканье и насмешки горгулов.

Люк захлопнулся. Мы едва-едва перевели дух и смогли наконец сдать одного самоуверенного военачальника слугам.

Горгулы опомнились и тут же заколотили в бронированный люк с удвоенной силой.

— Отдайте лекаря!

— Верните мужика!

— Все удовольствие испортили! — на все голоса вопили крылатые.

Нахальные, чтоб их! Пришлось отозваться:

— Парни, все остальное переносится на послезавтра. Сегодня и завтра — отдых. Выходной.

— Выходной?! — удивленно переспросили туповатые птицевзвери. — Отдых? Отдых... — задумались.

Через пару минут радостно заорали:

— Отдых-отдых-отдых!!!

Мне почудились шаги и удаляющееся хлопанье крыльев... Тишина.

Мы с Дерриком осторожно выглянули из люка, а потом уже не таясь вернулись на крышу. Картина маслом: огромная стая горгулий, выстроившись журавлиным клином, громко курлыча, улетала куда-то на запад, в сторону исчезнувшего за горизонтом солнца.

На крыше остались четыре горгула. Они наохлились, сидя по углам здания, и казались застывшими статуями. Полностью безобидными. Безопасными.

Я подошел к неподвижной фигуре и только протянул руку, чтобы потрогать крыло и каменную кожу, как золотисто-алый глаз открылся, раздалось шипение:

— Не ш-шали! — Глаз закрылся.

Я поспешно отошел.

В голову пришла мысль: «Они же почти все улетели, что если?..»

Но как только кто-то из слуг попытался на скорости рвануть из ворот замка, горгулы немедленно спикировали вниз и загнали бедолагу обратно. Потом чинно вернулись подремать на свои места.

Досадно. Придется продумывать более сложный план действий.

— Ваш сиятельство, спускайтесь, — донесся негромкий шепот из люка. Меня поманили на лестницу знаками зажженной свечи.

Я медленно спустился. На лестничной площадке меня поджидала дородная женщина с округлым добродушным лицом. Не благородных кровей — служанка. Точно, служанка. В просторном коричневом домотканом платье, в переднике. На ногах полосатые шерстяные чулки и сабо на толстой деревянной подошве. Волосы забраны в косу и сверху пришилиены громадным плюшевым чепцом на заколках.

Дама хорошо поставленным командным голосом повторила:

— Спускайтесь. Чичас воне активные. Робята подождут и с утреца попробуют. Оне ж, каркулы энти проклятущие, на восходе трошки слепнуть... ну дак мы таво... прорываемси по одному иной раз. Племяшку не пропустили, зато хлопцев помоложе, годков по десять — пятнадцать, сослепу под телегами дважды проморгали. Те немножко колбаски и маслица провезли, зелени и овощей, яблоч там разных... мыла... пару ящичков. Мож и завтра с утра выйдеть.

Простая служанка? Я поменял свое мнение. Она занимает достаточно высокое место в дворцовой иерархии, чтобы держаться с аристократами и их гостями уверенно. Впрочем, загадка вскоре разрешилась.

— Брячеслава. Кормилица королевы я... — правильно истолковав смысл бросаемых на нее взглядов, пояснила женщина. Светло улыбнулась: — Иалону почитай вот с таких вот годочков знаю... — Она развела руки на расстояние четверти метра.

Я улыбнулся ей в ответ. Слегка поклонился, как тут принято:

— Денис. Брат Илоны.

— Многоуважаемый брат названной сестры королевы, ее сиятельства герцогини Илоны? — Милая женщина смутилась, ее речь значительно изменилась, становясь более правильной. — Ох ты ж боженька, а я с вами по-свойски! Простите глупую! — склонилась в низком поклоне.

— Не страшно, — успокоил ее. — У меня нет никаких титулов, и со мной можно без этих выкрутасов. Я и сам придворного этикета совершенно не знаю, — подмигнул.

Женщина расцвела.

— Пока управляющий сгинул за воротами замка, я его временно заменяю. Экономка я. Идемте, отведу вас в гостевые комнаты.

По пути экономка, воодушевленная моим вниманием, болтала без умолку, вываливая подробности осады, все свежие сплетни и заплесневелые новости.

Среди болтовни промелькнуло сожаление, что в замке трудно без лекаря и алхимика, жалобы на то, что воины, получившие раны от горгулов, умирают, и много другой информации: важной или неважной — я разберусь потом. А пока впитывал полноводный поток знаний, внутренне благодарный кормилице за способность ими легко делиться.

Мне отвели относительно неплохие апартаменты с окнами, выходящими на восток. В покоях все было готово к приему гостей — из вороха одеял и простыней при мне достали жаровню с углями, которую засунули внутрь кокона, чтобы постоялец не ложился в холодную постель. У изголовья, на подушке лежали подбитый ватой халат и длинная фланелевая рубаша, вызывающая у человека нашего времени гомерический хохот. Композицию венчал не менее одиозный колпак на голову. Колпаку явно пожалели бубенцов.

Я разглядывал окружающий быт с любознательностью дикаря, очутившегося на корабле инопланетян.

Давясь внутренним смехом, попросил экономку разбудить на восходе солнца. Очень уж хотелось посмотреть на рейд подростков. И еще бродили некоторые смутные мысли.

Я развалился на барской постели. Экзотика! Атласное пуховое одеяло, классная подушечка, чистые простыни... На таких только цари да герцоги спят. Тепло, мягко, удобно... В состоянии полусна до сознания вдруг дошли слова Брячеславы, что воины, укушенные или оцарапанные горгулами, умирают.

Меня подкинуло — она сказала «умирают», а не умерли! Пусть мое медицинское образование формально не позволяет оперировать и статуса терапевта у меня нет, но зато я вполне квалифицированный лекарь по местным канонам. Во всяком случае, почистить и обработать раны, продезинфицировать и обезболить я в состоянии! Вполне.

Я вскочил и быстро оделся, путаясь в рукавах рубашки. Вместо надоевшего парадного костюма натянул бриджи и простую солдатскую куртку с гербом на груди, правда, чистую и новую. Их оставили для меня на стуле рядом с кроватью.

Прихватив со стола графин со спиртным и несколько полотенец, я быстро вышел в

коридор. Дверь захлопнулась. Сделав несколько десятков шагов, пожалел, что не захватил свечу. В спальне было хорошо видно за счет луны, но в коридорах окна выходили на противоположную, затененную сторону. Темно, хоть глаз выколи.

Я вернулся обратно и нашел подсвечник. А дальше у меня появилась загвоздка: спичек я не нашел! Катастрофа, учитывая один простой факт — я не курю. Методом тыка попытался зажечь фитиль от угольной «грелки», вытасченной из моей постели.

Без толку! Угли давно погасли. Пометавшись еще пару минут и почиркав столько же времени огнивом, я было махнул рукой, но потом меня осенило: мобильник! Совсем растерял соображение от этих перемещений!

Я вынул свой айфон и включил его, сделав поярче. Все, теперь в путь! Выскочил и направился вниз. Насколько понимаю, лаборатории и прочие вспомогательные службы где-то на уровне первого этажа и подвалов. И экономка, скорей всего, проживает где-то там же. Одним духом проскочил многочисленные лестничные пролеты нескольких этажей и стал блуждать по бельэтажу, стараясь не слишком шуметь.

Казалось, лаборатории бывшего алхимика где-то неподалеку, но мне встречались исключительно нежилые. Уточнить направление не у кого. Пусто.

Пока я уныло бродил, удаляясь от центрального входа, услышал легкие шаги, странные вздохи и тихие жалобы:

— Ну где же он? Не могу найти! — Всхлип и опять рвущая сердце жалоба: — Его нет нигде! Его нет!

Заинтригованный, кому не спится в ночь глухую, я припустил следом за обладательницей приятного голоса и впереди заметил странный движущийся силуэт. Мне показалось или он слегка светился?

Негромкий стонущий шепот:

— Где ты, отзовись! Я не могу тебя отыскать! Где ты?

Я остановился. Пришлось отключить мобильник, иначе он мог привлечь внимание объекта. Кроме того, в темноте против легкой фосфоресцирующей дымки он слепит глаза.

Темные пустые углы запутанных коридоров, казалось, повторяли таинственный шепот, множась эхом:

— Где-где-где ты-ты-ты?

Кто или что это? Что оно ищет? Вдруг загадка нападения горгулов кроется именно в этом странном явлении?

Я проследовал за необычным привидением. Успел заметить, что ночная «лягушка-путешественница» — невысокая худенькая девушка с пшеничными волосами, одетая в белую ночную рубашку из грубого домотканого льна самого что ни на есть простого кроя. Похоже, цвет исподнего сыграл со мной дурную шутку, внушив мысль, что одежда фосфоресцирует.

Подойдя ближе, разглядел в обманчивом лунном свете: незнакомка идет, пошатываясь и неуверенно вытянув руки перед собой, а глаза у барышни невидяще распахнуты!

Тьфу ты! Нашел сверхъестественное! Ну блин, герой «Икс-файлов» выискался! Прямо сам Малдер во плоти! Коллегам показать — засмеют. И то сказать: принял за привидение самого что ни на есть обычного лунатика! То есть ее. Сомнабулу.

Я осторожно приблизился. Давненько не наблюдал сноходцев со стороны. Интересно же! А девушка легкими шагами приблизилась к запертой двери в конце коридора, коснулась металлической ручки (дверь и не подумала открываться), пошатнулась и... упала.

Я подскочил и попытался ее уложить к себе на колени. Господи помилуй, у нее

эпилептический приступ начинается! Вон какие судороги! И, как назло, ни носового платка, ни кожаного брелока с ключами, который мог бы в таких случаях помешать ей не прикусить язык. Потянулся, чтобы вынуть ремень из штанов, не снимая больную с коленей и аккуратно придерживая голову пострадавшей.

И тут... за долгие годы работы с пациентами я привык, что психически больные люди могут обладать колоссальной физической мощью. Иной раз, глядя на очередного «задохлика», по внешнему виду и не догадаешься. Так же было и в этом случае...

— Наконец-то! Ми-илый... ненаглядный...

Вот чего не ожидал совершенно, так это что «пострадавшая», не открывая глаз, с нечеловеческой силой притянет к себе мою голову и подарит... поцелуй!

Поначалу я даже немножко растерялся. Нет, дамочки глазки мне обычно строят часто, от пламенных взоров женской половины иной раз аж костюм дымится, но целовать?.. Насильно меня еще никто не целовал. Действительно, в этом поцелуе было что-то колдовское...

В первый миг я не сопротивлялся. Поцелуй опьянил. Меня мгновенно повело, словно от доброй рюмки крепкого алкоголя. А затем я начал бешено отбиваться. Мне перестало хватать воздуха, будто чуждая ледяная сила устремилась вовнутрь, выстужая, замораживая грудную клетку. Сердце замедлило свой бег, почти останавливаясь. Бог мой! Еще немного — и я, черт подери, рухну в обморок, словно придворная барышня!

С огромным трудом оторвал от себя «болящую» и твердо сказал:

— НЕТ! Достаточно. Я не практикую поцелуестерапию. Хватит! Милая, вы не мой тип. Приберегите свои ласки для жениха!

Девушка приоткрыла веки, сияясь остановить на мне мутный взор, простонала:

— А-а-а...

Я попробовал успокоить странную подопечную. Осторожно похлопал по щекам, наклонился и тихо спросил над ухом:

— Как вы себя?..

Эх! Мог бы и не беспокоиться. Вот как чувствовал! Все зря. Тишину спящего ночного дворца потряс дикий, рвущий барабанные перепонки ультравизг на одной ноте:

— И-И-И-И-И-И!!!

Девушка вцепилась в меня и верещала, будто ее режут. Потом опять свалилась в продолжительный обморок. А напатыря поблизости, разумеется, не было.

Я с нею на руках и подняться не успел — набежали первые гости. А уже через пару минут добрая половина дворцовых обитателей окружила нас плотным враждебным кольцом. Бесчувственная незнакомка у меня на коленях, я с ремнем в руках и полуспущенными штанами — и глухо ворчащая и скалящаяся, будто злой дворовый пес, недружелюбная толпа.

Я помрачнел: положение хуже не бывает.

Сглотнув, с молчаливой тоской огляделся вокруг себя. Во рту набежала горькая слюна. Кажется, сама идея помощи этой девушке была огромной ошибкой. Если дама не подтвердит чистоту моих намерений, то... минимум — попробуют женить, на что я никогда не пойду; максимум — вздернут, как насильника, на первом столбе, если перед тем чего-нибудь не отчекрыжат с воспитательной целью. Какой гад, какая сволочь сказала, что утро вечера мудренее?!

Тихий ропот толпы не оставлял шансов на помилование. Мужички из тех, кто живут поближе, в хозпостройках, уже и за веревками сбегали и дреколье с собой захватили. Но меня пока не трогали, переминались с ноги на ногу и чего-то ждали. Просто сгрудились и

плотно оцепили место происшествия.

Интересно, чего они ждут? Смолы с факелом и перьев?

А меня уже душил запах немых тел, чадающих факелов и свечей, дегтя и прогорклого масла. Начали накатывать волны тошноты. Блин, точно как худосочная барышня! Неприиспособлен и непривычен современный человек к средневековому амбре!

Чертова экономка, как раз когда была остро необходима, так и не появилась. В отличие от мажордома. Тот близко не подходил, крутился за спинами людей и подзуживал толпу на казнь. Все исподтишка пытался подстрекнуть к решению вопроса не отходя от кассы. Чужими руками. Дескать, и так все ясно — мужик пытался девку насильничать, и нечего время тянуть.

Я почти совсем пал духом и отчаялся, но кто-то, на мое счастье, все же позвал Деррика с Кондрадом. Королеву беспокоить слуги побоялись, а мужчин озадачить судьбой знакомого — видимо, в самый раз. Деррик был сонный и злой, его взгляд пылал осуждением, но бывший зам Кондрада был хотя бы вменяем. Их сопровождал ординарец Деррика с трехсвечником.

Второй... Кондрад был и сонный, и злой, и не... вменяемый. Сильно. Причем на меня даже не посмотрел, тратил свою энергию исключительно на зевак. Эффектно так тратил... со знанием дела.

Черный Властелин (ну и прозвище! Кстати, теперь понимаю, за что его так зовут!) медленно и страшно повел глазами по сторонам, рывкнув хорошо поставленным голосом:

— Н-ну?!

И толпа мгновенно поредела. Не скажу, что они бежали со всех ног, но как-то само собой тихо и мирно рассосались. Даже не так — испарились! Через минуту остался один бледный мажордом, скрыться которому не позволяла то ли гордость, то ли должность, зять с приятелем и ординарец.

Когда настало время вопросов и ответов, я, понимая, насколько идиотски будут сейчас звучать мои оправдания, приготовился к длительному допросу. Но он не понадобился.

Кондрад Дорсетский повернулся к мажордому и ледяным голосом спросил:

— Девка... из чьих будет?

Мажордом затрясся и заблеял:

— О-о-о... э-э-э... не могу знать...

— ЧТО-О-О?! Так ты, собачий сын, из-за незнакомой девки собрался порешить моего шурина? — взревел Кондрад.

Мажордом окончательно сник и закланялся низко-низко:

— Ваш велицтво, не извольте гневаться, подменный я... заместо дядьки маво, временно взяли. Надоть у экономки поспрошать, она усех знает...

В это время в коридоре раздался громкий женский возглас:

— Боженьки, что стряслось?! — К нам стрелой летела та сама злополучная экономка.

Я уже имя ее забыл... как ее... А! Брячеслава!

Могучая женщина подошла ближе и всплеснула руками:

— Ой, батюшки светы! Клена!

Я облегченно вздохнул. Кондрад и Деррик переглянулись.

А Брячеслава тарыхтела:

— Племяшка моя, единственная. Всем хороша. Девка что надо — и крепкая, и смазливая, и в работе ухватиста, да вот беда... Сновида. По ночам повадилась шастать. Все

ищет кого-то, по коридорам в потемках шатается. Я завсегда ей будила, гулять среди людей не пушала — мало ли... али напугает кого, иль сама напугается... Да вот сегодня не поспела. Вы уж простите, — обратилась ко мне, — не со зла на вас люди подумали, по недомыслию...

Хорошенькое «не со зла»! А что тогда со зла? Три дня пыток и гильотина? Или тоже не со зла?..

Главный помощник старшего дворника, то бишь коварный сменщик мажордома, от испуга совсем слился с окружающей мебелью. Без бинокля не найдешь.

— Клена, Кленушка, просыпайся! — Экономка тронула свою родственницу за плечо. Судя по всему, племяннице ее прикосновение не особо понравилось. Она открыла глаза, пулей взлетела с моих рук, оскалилась и зашипела:

— МОЙ!!!

Я тут же возразил без особых церемоний:

— Я свой! — встал наконец и преспокойно продел ремень в брюки.

А чего волноваться? Кто бы меня чьим не называл — до лампочки! Я на то согласия не дал. Я вольный. Ко мне неприменимо крепостное право.

Реакция тетушки была немного нестандартной. Я не рассмотрел точно, что случилось, — племянница Брячиславы стояла ко мне спиной, но успел заметить: глаза у тетки заметно округлились, а волосы приподнялись, словно от контакта с динамо-машиной. Кондрад с Дерриком вновь похватались за сабли.

— Свят-свят-свят, — как заведенная, твердила Брячеслава непослушными губами, пятясь от родственницы. — Господи помилуй, арианэ!

— Денис! — Кондрад был на удивление серьезен. — Денис, она тебя целовала?

Я удивленно воззрился на зятя, воспылавшего странной любознательностью.

— Это имеет какое-то значение?

— Имеет! — Голос Черного Властелина был на редкость мрачен.

Ладно, в принципе это не секрет.

— Ну... было такое. Один раз.

Кондрад с Дерриком дружно застонали.

— Тебе понравилось? — опять спросил этот моральный вуайерист.

Я чуть пальцем у виска не покрутил.

— Понравилось?! — Голос Кондрада сорвался. — Отвечай, не дури! Это не шутки!

После этого вопроса все обратились в слух — и воины, и заместитель мажордома, и тетя с племяншкой.

Я молчаливо пожал плечами. Не хватало еще обсуждать такие вещи вслух!

— Ничего особенного. Наверное, ей приснился кто-то, а поцелуй достался мне.

— Похоже, нет! Не понравился! — мрачно резюмировал Кондрад. Он прислонился спиной к стене и начал методично биться об нее затылком со словами: — Илона меня убьет!

Да, бедные мозги! Сейчас закончит взбивание пудинга с телячьим субпродуктом — и в духовку! Мама так часто делает... Я глянул на представление, которое он устроил, и начал улыбаться.

Кондрад удивился моей реакции и уточнил:

— Она... — Брезгливое движение поджатых губ. — ...Арианэ, достигшая полной силы!

Я опять пожал плечами. Он думает, я шарю в мифологии этого мира? Он ошибается.

Когда я увидела, кто нас посетил, то забыла все свои проблемы и обиды. Помимо воли мои губы расплылись в зловещей многообещающей улыбке. У меня просто душа запела. И вы меня поймете!

Из дымового лифта выпал Форсет. Я чуть не запрыгала от удовлетворения. Вот здорово! Это он удачно зашел, это ему подфартило со страшной силой. И этой страшной силой буду я!

— Рицесиус! — радостно завопил толстячок, широко распахивая пухлые ручонки для иудиных объятий. — Дорогой друг! Как мне тебя не хватало! — и к трону, к трону...

Очки дяде нужно срочно купить! Или поставить два фингала для улучшения освещения дороги, куда я собралась ненавязчиво, но твердо спровадить этого лысоватого индивидуума.

Пока Форсет пытался нежно обнять и сладко облобызать пустой трон, я спокойно встала с места, где сидела. Правда, встала — это громко сказано. Скорее, меня бережно подняли парфенушки. Тихо прошептав добровольным помощникам: «Спасибо!», я летящей, качающейся и колыхающейся походкой приблизилась к богу с тыла и, шлепнув по плечу ладонью в мягкой перчатке, проорала:

— Алес капут! Хенде хох!

Форсет подпрыгнул от неожиданности, сделал замысловатый пируэт и оказался лицом к моему «телевизору».

— Шнеле-шнеле! — удовлетворительно крикнула я. — Их бин ферштейн?

— Ты-ы к-кто?

Толстяк упорно вглядывался в знакомые черты, но опознать меня в этом фотороботе не мог. Впрочем, я и сама себя не узнавала. Но мне простительно — в конце концов, я женщина, существо нестабильное и переменчивое... Ага, а еще зыбкое, нетвердо стоящее на ногах и крайне неустойчивое! Но не морально — физически. Морально я крепче любой скалы! Правда, скала об этом не знает!

— Я — телепузик с ракетным двигателем пониже талии! Ужас здешних мест! Гроза Парфенона! Призрачный мститель!

Глаза божественного «Краника» стали квадратными. Редкие волосики поднялись шаром вокруг лысины, превращая просто дедушку в дедушку — божьего одуванчика.

— Да-да! — поддержали меня мохнатикки. — Великая! Красивая! Ужасная!

Последнее могли бы и не говорить! Но... что сказано, то сказано!

Я погладила ближайшую, яростно подскакивающую парфенушку по голове и снова вернулась к Форсету:

— Проникся, несчастный?

— Почему несчастный? — вкрадчиво поинтересовался бог справедливости и защиты. И вдруг у него открылись глаза: — Илона?!!

— А ты кого ждал, болезный? — в свою очередь поинтересовалась я, надевая кадуцей на шею во избежание потери ценного имущества и в знак своего высокого положения.

— Рицесиуса, — растерянно ответил Форсет и попер танком: — Ты как здесь оказалась? Где главный бог? И почему у тебя символ верховной власти?

— Я за него! — спокойно подложила богу противотанковую гранату. — Так что «стоять — бояться, упасть — отжаться!».

На пару-тройку минут Форсета закоротило от свалившейся на него информации. Причем оригинально так закоротило... У него закрывались глаза, открывался рот. Закрывался рот — открывались глаза. В конце концов я заподозрила неумелую подтяжку лица. Когда у жертвы косметической хирургии остается очень мало кожи, и, чтобы что-то

открыть, ему требуется что-то другое срочно захлопнуть.

— П-почему? — все же выдавил из себя поборник омоложения. — Почему ты?..

— Не знаю, — честно призналась и любовно погладила толстую цепь кадуцея. —

Сильно не повезло, наверно...

Теперь, когда выпала счастливая возможность насолить гнусному поборнику «божественной справедливости», я была даже частично готова простить Рицесиусу грандиозную подставу. Но только на ту часть, которой я собралась ушибить Форсета!

Толстяк еще немного подумал и вдруг вцепился в кадуцей с криком:

— Отдай! Я буду главным! Я! Я! Я!!!

Вот любитель повыколупывать изюм из чужих пасочек!

Ситуация мне не понравилась. Во-первых, уж кому-кому, а этому небесному засранцу я власть отдавать не собираюсь! Во-вторых, я не привыкла, чтобы меня мотали козой на цепи туда-сюда. В-третьих, мне преемник был крайне несимпатичен! В-четвертых... Впрочем, хватит и трех вышеперечисленных причин, чтобы я слетела с катушек и начала беспредельничать!

Все! Кто не спрятался — я не виновата! Мстя моя страшна и огромна! Кто руки к нашему кадуцею протянет, тому их граблями завернем!

Мы некоторое время попереотягивали цепь. Недолго... Но поскольку внутри цепи все же была именно моя шея, которую я нежно любила, то и победила я, честно вырвав победу из рук противника с помощью парфенушек. Волосатики навалились на дедка массой и сломили его активное сопротивление!

Форсет решил зайти с другой стороны и позвал народное ополчение:

— Эй, вы! Быстро сюда!

В воздухе зазвенело, и вокруг бога возникли чашечные весы с белыми крылышками и с клювами как у попугая.

— Разберитесь! — зло приказал толстячок и, засучив воображаемые рукава, попер на меня, пыхтя паровозом и издавая что-то типа: «Ту-ту-у-у!» Хм... оригинальный клич у местных команчей. Надо запомнить.

И пошли мы стенка на стенку...

Представьте себе картину: Форсет напирает на меня и протягивает свои жадные, невытые, липкие, противные, заgreбущие ручонки к символу власти, я отпихиваю его войлочным брюхом телепузика и произвожу беспорядочный обстрел кадуцеем по широкой местности божественного тела.

Парфенушки лаются с весами:

— Хозяйка хорошая!

— Заклевать! — орали помощники бога.

— Отдай! — вопил сам бог, наскакивая.

— Отвали! Сгинь! — отфутболивала я его бронированным пузом.

— Хозяйка добрая! — не сдавались парфенушки и лупили весы по клювам, а кое-кто пошустрее уже всю дергал перья из крыльев.

— Закусать! — немного сбавили темп противники, зависая в воздухе и о чем-то задумываясь, при этом давая возможность волосатикам произвести массовое пополнение перьевого запаса. На большую сельскую подушку уже нащипали!

— Это мое! — никак не мог успокоиться божок. У него значительно пострадали голова, правое плечо, локоть и прибавилось в лице немного интересной синевы.

— Облезешь! — убеждала его я, наловчившись действовать «телепузиком» более прицельно.

— Она нас назвала! — пошли в любовую атаку пушистики. — Мы — парфенушки! Мы не сдадимся!

— О! — попадали на пол весы и жалобно зазвенели: — Мы тоже хотим! Почему нас зовут «Эй»? Это коротко и некрасиво! Назови нас!

— Отвалите! — пропыхтел дедок, набравшись от меня нехороших слов. Нет чтобы полезное что-то выучить! Хотя... в этой ситуации приличных слов найти нельзя!

— Вам как больше нравится — крылатики или вескрылы? — отправила я зарвавшегося типа в нокаут, приперев пышной частью своего костюма к колонне.

— Вескрылы, — заклекотали клювастики. — Вескрылы! Мы будем вескрылы!

— Очень приятно! — мило улыбаясь всеми тридцатью с довеском призналась я, добавляя божку нирваны кадуцеем. — Будем знакомы — Илона!

— Илона нас погладила! — загордились парфенушки и победно посмотрели на новоявленных вескрылов. — Она нас почесала! Мы хорошие!

— А нас почешешь? — подлетела ко мне стайка вескрылов. — Мы тоже хорошие!

— Не вопрос, — закивала я, придерживая Форсета. — Вот только руки освобожу — сразу и почешу. Мне не жалко!

— Сейчас! — обрадовались крылатики и отобрали у меня бесчувственное тело. — Мы подержим!

— Спасибо! — проявила я вежливость и попросила: — Только назад потом верните, я еще с ним не закончила...

— Вернем! — закачали крыльями весы. — Нам не жалко!

Я их погладила. И даже почесала, потому что мне тоже было не жалко и очень хотелось вернуться к нашей беседе с Форсетом. Правда, он сейчас со мной разговаривать не мог... но это сущие пустяки. У меня бы хватило слов на двоих!

Очередь на персональное обслуживание растянулась. Пришлось почесывать в две руки. В какой-то момент я упустила из виду Форсета. Он коварно этим воспользовался и слинял.

Щас! Мы так не договаривались. Победа будет моя!

— Ребята! — объявила всем жаждущим ласки и заботы. — Сначала дело — потом тело! Кто умеет звонить?

Заскакали парфенушки:

— Это просто! Это легко! Постучи на спинке трона!

— Ага! — обрадовалась я и пошла звонить по межгороду.

Вызов абонента происходил незатейливо. Я лупанула по спинке трона двенадцать раз, и перед моими очами предстал взъерошенный Форсет.

— Вот тебе! — обрадовалась я. — Попался! Здесь не работает «абонент вне зоны доступа»! У нас везде зона!

— Тьфу на тебя, самозванка! — обиделся божок. — Я оккупантам не подчиняюсь! — и исчез.

— Ха! — фыркнула я и позвонила снова.

Развлекались мы так раз двадцать. Благо спинка оказалась крепкая и от ударов не страдала. Зато страдал Форсет, прыгавший туда-сюда. Вот же дисциплина! Железная! Знает, что я вызываю, и все равно приходит!

— Что ты хочешь? — тоскливо выдохнул появившийся в очередной раз бог и посмотрел

на меня взглядом замороженного великомученика.

Хотела я многого. Вопрос «с кем» не стоял, зато настойчиво волновали вопросы «как» и «где».

— Не сочувствуй себе — не поможет! — порадовала я гада. — С горгулами справиться можешь? — начала с малого, чтобы удовольствоваться большим.

— Нет, — привычно развел руками Форсет.

— Щас спою! — честно предупредила я и подняла кадуцей для экстренного дозвона в случае бегства собеседника.

— Правда не могу! — торопливо забормотал толстяк. — Они мне не подчиняются!

— А кому подчиняются? — строго задала вопрос я, наблюдая вполглаза, как парфенушки вычесывают вескрылов.

Две расы прекрасно поладили и теперь активно сближались. Хм... главное, чтоб не размножились, а то моя психика этих мутантов не переживет!

— Кто ж скажет? — покаялся бог. — У каждого свои секреты.

— А узнать? — и прочистила горло для взятия первой, особо жалостливой ноты.

— Никак. — Глазки Форсета стали похожи на глазки кота из мультика про Шрека.

— Понятно, — кивнула я, разглядывая первый бредущий полет парфенушки на вескрыле в этом безумном-безумном мире.

— Я могу идти? — крайне вежливо поинтересовался толстяк и собрался уходить по-английски, то есть свалить не прощаясь. Наивный! Кто ж ему даст!

— Нет! — Я была русской и не понимала, как можно в присутствии женщины, да еще такой симпатичной, как я, сматываться без разрешения хозяйки. — Мне нужна помощь с горгулами, и ты... — ткнула я кадуцеем в сторону бога, — ...мне ее окажешь. Ваши предложения, мистер Фикс?

Форсет задумался. Задумчивость сопровождалась пробежками по периметру Парфенона, отмахиванием от вескрылов с парфенушками, почесыванием всех заметно выступающих частей мужского тела и кучей других телодвижений.

— Эврика! — на очередном повороте заорал божок.

Я чуть зайкой не осталась.

— Кто утоп? — Пока он бегал, я успела задремать и сейчас трясла головой, пытаюсь проснуться.

— Я могу горгулам что-то подарить, и они подобрают, — поделился со мной умной мыслью Форсет.

— Н-да?! — недоверчиво хмыкнула я. — Думаешь, поможет?

— Попробовать-то можно, — убежденно ответил бог. — Ну что?

— Дари! — махнула я кадуцеем. Подумала: каждому горгулу нужно подарить кастрюлю с рогами, а каждой горгулье — скалку и инструкцию по обращению с мужем. Это их займет надо-олго.

Ей-богу, хотела бы я посмотреть на эту семейную психотерапию! Чтоб это шоу хоть раз увидеть, и ста долларов не жалко!

Форсет потряс пухлыми ручками, поскакал на месте и сообщил:

— Все! Подарил.

— Замечательно! — порадовалась я за горгулов и подумала, как все это отразится на Кондраде и Денисе. — А что подарил?

— Вот. — Божок протянул мне чашечные весы.

Я покрутила в руках миниатюрное пособие по справедливости, пропиталась ею с головы до ног и резонно заметила:

— И как ЭТО отразится на горгулах?

— Все очень просто, — забегал вокруг меня толстячок. — Утром горгулы просыпаются — и бац! — у них есть весы справедливости!

— Э-э-э... А они их хотя бы заметят? — влезла я со своей ремаркой.

Бог замер. Подумал и признался:

— Могут и не заметить. — Еще подумал, помахал руками и удовлетворенно кивнул: — Теперь точно заметят.

— Посмотрим, — пробормотала я, зевая.

— Могу я удалиться на заслуженный отдых? — чопорно поинтересовался Форсет. Возбухнул: — Все же в мои обязанности не входит четырнадцатичасовой рабочий день! А я тут уже пять минут как перерабатываю.

— Щас расплачусь от умиления и выдам тебе премию... записями хорошего пения в моем исполнении, — парировала я.

— Не надо! — категорически открестился бог от моего поощрения. Вяло почесал опорную точку и поправил простыню, то есть тогу. — Я просто так сказал! Готов расстараться и перерабатывать на голом энтузиазме!

— Молодец! — похвалила его я. — Удаляйся, но если что... Я зна-аю, как тебя найти! Так что без глупостей! — и продемонстрировала кадуцей.

— Всем спокойной ночи! — скривился Форсет и исчез.

— Ну и куда мне ложиться спать? — спросила я больше теоретически, нежели ожидая ответа.

— Сейчас! — активизировались парфенушки. — Мы поможем! Мы сделаем!

От их «сделаем» мне стало дурно. Меня они зачихали в войлочное безобразие. Права в нем качать хорошо, но жарковато. Что же они предложат в качестве спальни? Надувной матрас с Жаком Кусто внутри? Лежбище из шкурок экзотических животных? А животных оттуда вынут или забудут?

Все это проносилось у меня в голове, пока я рассматривала шушукующихся вескрылов.

— Вам домой не пора? — невзначай поинтересовалась я у крылатиков. — Ваш босс пошел чтить трудовой кодекс. Может и вам с ним нужно?

— Неа, — заклекотали вескрылы. — Мы с тобой жить будем! Мы полезные!

— Упс! — Такого поворота событий я не ожидала. С одной стороны, все вокруг казенное, и нам чужого не жалко, а с другой — слишком уж их много тут развелось на одной жилплощади... Но мое мнение, я так понимаю, никого не интересует. Потому я проглотила вопль души и культурно уточнила: — А Форсет?

— Мы с ним будем работать на договорной основе! — У кого-то из крылатиков прорезалась юридическая жилка.

[Купить полную версию книги](#)

Популярная фраза из мультфильма «Трое из Простоквашино» по сказке Э. Успенского.

Анатолий Рас.